

Ростислав Панов

**СОЛНЕЧНЫЙ
ПОЯСОК**

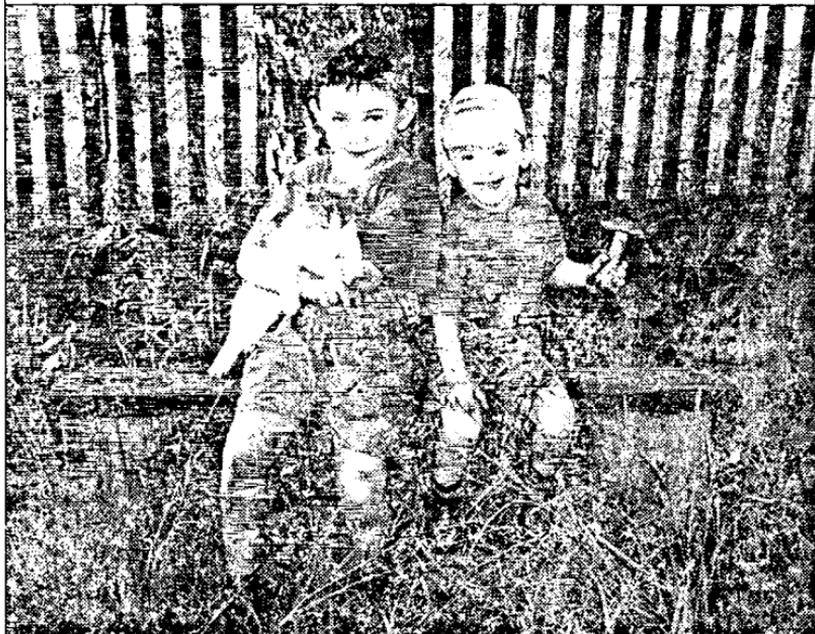

*Миниатюры,
рассказы*

Я убежден: ты Пришвина превзошел. У него много заумностей, рассуждений не столько о природе и жизни, сколько около природы и жизни. А ты вскрыл самую суть, то, что дорого неиспорченному цивилизацией простому человеку, кто живет и действует сейчас среди нас и хочет принести огромную пользу для людей, но не знает, как это сделать. А ты, к счастью, знаешь. Ты живешь жизнью рассказчика своих коротких шедевров. В них, этих малютках-рассказах, - смысл и нашего бытия. У тебя нет сюжетов, но у тебя есть трепетное отношение к людям, которых ты рисуешь маленькими, но убедительными, как у всякого большого художника, штрихами. И ведь все эти люди, будь то друг детства, старик ли, конюх ли, мать ли твоя - естественны, органичны, как сама природа, без которой никак нам нельзя. И ведь ты живешь в тех краях, где все свято и дорого сердцу, и откуда не надо никуда уезжать. А края эти сказочно богаты. Вот это богатство ты и раскопал в своих миниатюрах.

*(Из письма Сергея Багрова,
члена Союза писателей России).*

МИНИАТЮРЫ

СОЛНЕЧНЫЙ ПОЯСОК

Майским утром небо еще не полностью очистилось от грозовых облаков. В поле на торной дороге стояли лужи с желтоватой накипью по краям. Скорее всего, от пыльцы цветущих черемух, принесенной дождем. Сам лес за полем выглядел как новорожденный.

Когда тучи разошлись, брызнул свет. Точно солнечный пояс окутал звонкоголосую рощу.

МОЯ ТРОПИНКА

В город я шагаю не по большаку, где день-деньской гудят машины. У меня свой маршрут. Я сворачиваю за деревней, спускаюсь в небольшую лощинку, где бьется неугомонное сердце маленького ручейка. Здесь немного постою. Стало привычкой подержать в ладонях пригоршню чистой, обжигающей воды, прикоснуться к ней губами.

Вверху ручейка омуток. В нем живут стремительные, гибкие хариусы. Их не разглядишь, пока не кинешь в воду загодя припасенного червяка. Из таинственной глубины матово сверкнет серебро и опять исчезнет. Даже не успеешь сказать: «С добрым утром, рыбка!»

От омутка тропинка поднимается к одинокой старой березе, под которой какой-то добрый человек любовно изладил небольшую скамеечку. Она мокра от росы, но, право, стоит на ней посидеть хотя бы минут пяток. Вдалеке лес, над ним медленно-медленно занимается осенняя заря. Береза нехотя роняет лист на седую траву, задумалась. Скоро встречать ей на бугре метели.

От березы шагаю полем, потом лугом с редкими ивовыми кустами. Совсем недавно здесь собирал волнушки. Розовые, с нежной бахромкой по краям. Подкосили их заморозки. Но что это такое? Опята! Собрались в кружок, словно беседуют о чем-то.

Кончилась моя тропинка. Жаль, что так коротка. Но в душе опять стало тепло от того, что она есть и по ней можно пройти еще не один раз.

ГОСТЬЮШКА

В ноябре то снег, то дождь, то ветер день-деньской. Лежит дед Иван на печи, свои кости греет. А Марья, жена, прибирает в избе и пилит старика: «У всех баб мужики путевые, ни единой минуты без дела не сидят, что-нибудь да по хозяйству ладят. Сколько раз говорила тебе - подруби баню да потолок заново засыпли».

Долго распекала Марья мужа, пока, наконец, он не захлопнул за собой дверь. Пятистенок деда Ивана на краю деревни, а баня - за огородом, лес - рукой подать. Зашел дед в баню и решил начать с потолка, чтобы в глаза потом не пылило. Залез, чихнул и вздрогнул от неожиданности: из-за трубы на него смотрели чьи-то глазенки. Потянул дед руку - хватъ - и ощутил теплый клубочек. Видит - белка! Сунул за пазуху и обратно в избу.

Белочка на первых порах дичилась Марьи и Ивана. Потом привыкла и стала спокойно зимовать у гостеприимных хозяев. Они так и зовут ее - Гостьюшкой.

ДАШУТКА

В доме Марьи с осени жила сорока. Звали ее Дашутка.

-Ребята из рогатки подбили, а я подобрала и - выходила, - объясняла Марья.

Жила Дашутка безбедно, пила и ела вволю. А любопытства было в ней - хоть отбавляй. Ни один предмет в доме не оказался обойденным ее вниманием. Любопытна была Дашутка и к людям. Из них она больше всего примечала почтальонку Любу. Сядет на плечо, потом на сумку вскочит, блестящие застешки клювом пробует. На Любины руки глаз косит - нет ли гостинца.

Однажды весной у Любы случилась неприятность. Потеряла она золотой перстенок. Запасмурилась, загрустила. Да что поделаешь!

Прошел месяц. Как-то раз приносит Люба Марье пенсию. А старушка улыбается и говорит: «Ты мне пенсию, а я тебе, доченька, - подарок». И подает то самое пропавшее колечко.

-Дашутка где-то нашла, она теперь все больше на улице, глаз зоркий...

ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ

Холодными были дни в конце августа. А в начале сентября стали перепадать и дожди. Но вот неожиданно потеплело. Отправился я в лес за пихтовыми вениками. Иду знакомой тропинкой мимо высокой осины. И вдруг слышу над головой словно бы шорох. Глянул - все ветки словно помолодели - нарядились молоденькой зеленой листвой.

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

Случилось солнечное затмение. Как раз готовил дочке гербарий. День такой солнечный, славный, теплый. Как летом, хотя и осень.

Как-то неожиданно стемнело. Спрашиваю дочку: «Неужели уже вечер?» «Нет, - говорит, - еще полдень, я только недавно из школы пришла. Сегодня солнечное затмение».

Спутал день с вечером не только я один. Во всех концах деревни в этот час запели петухи.

В ДВУХ СЛУЧАЯХ

В командировке был. В глухом-глухом уголке. Редкие деревеньки, а кругом леса, охваченные осенним пожаром. Безлюдье, тишина. Разве что одиноко прогудит лесовоз.

Я уже собирался домой, да припустил надоедливый дождь. Куда денешься? И отправился я к знакомому учителю - пенсионеру. Переночевал, а дождь все не унимается. Дорогу совсем развезло. Приуныл. Посмотрел на меня хозяин, предложил: «Пойдем-ка, друг ситный, на рыбалку». Я махнул рукой: какая уж рыбалка!

Однако уговорил. Привел меня к небольшой речушке, затерянной в кустах. Размотали удочки. Нацепили светлые мормышки. И началась удивительная ловля. Брал хариус. За какой-нибудь час у нас была полная корзинка! Дома Василий Григорьевич объяснил мне, что хариуса хорошо ловить в двух случаях: летом, когда вылет паутов, и осенью, в дождь.

-Дождь его от осенней раздумчивости встряхивает. Пузырьки на воде для хариуса вроде упавших на струю паутов. Напоминание, что ли, о лете.

ХРАБРЕЦЫ

Возвращаясь с дальней пожни, куда я ходил за волнушками, присел возле меднолицей сосны. К ней притулилась пирамидка муравейника.

Сквозь пожелтевшие кроны деревьев лилось медное солнце. Стоял погожий день, и роца была полна жизни. Занимались своим делом и муравьи. Одни суетились у меня под ногами, другие ползли вверх по сосне. Вот они обогнули сломанный сук и остановились. Дальше путь преграждала широко растекшаяся свежая смола - след от недавнего топора.

Беспокойно задвигали усиками муравьи, пробуя передними лапками смолу, столпились, как бы совещаясь. И нашелся один храбрец. Увяз. К нему поспешил второй, третий... Умирая, они прокладывали дорогу другим.

ЛЮБИТЕЛЬНИЦА ЯБЛОК

Давно собирал я в саду яблоки. Их столько уродилось, что и засушили вдоволь, и варенья наготовили изрядно. Часть яблок пришлось засыпать в разную тару и оставить на крыльце. Проходит неделя, вторая - и замечаю, что яблок в одном из ящичков становится меньше и меньше. Подумал, что, может быть, их берут мои девочки. Оказалось - не так.

Рано утром бабушка подоила козу и выпустила до выпаса во двор. Но лопухам, которые росли возле забора, коза предпочла другое. Она подошла к крыльцу, уверенно открыла рогом дверь и принялась уплетать яблоки. И в глазах ее было такое довольство, что у меня не поднялась рука вытурить ее вон.

ТОЧНО ПТИЦА В СИЛКАХ

Вытянулся к югу журавлиный клин. Вот птицы появились над пригорком, где росла лиственница.

Я часто бывал здесь и только теперь заметил, что верхушка ее наклонена на юг и как бы раздвоена на два крыла. Издалека - точно птица в силках, рванувшаяся за печальным криком улетающих журавлей.

ПЕТУШКИ

Целый день в саду, пожелтевшем и сумрачном, веселые птичьи голоса рассыпаются, точно серебряные колокольчики. Это петушки по калинку пожаловали. Меня они не испугались, и я успел хорошо на них насмотреться. Доверчивая, удивительно красивая птица - свиристель. Грудка и спинка серенькие, по бокам беленькие каемочки, а кончик хвоста желто-зелененький, словно в краску только что опустили. Но самое главное - на голове гребешок-хохолок. За этот гребешок и прозвали птичек петушками. Сидят петушки на веточках, калинку склевывают, серебряные колокольчики раскатывают. Весело им, хоть и осень на дворе.

МУЗЫКАНТША

Ураганным ветром сломило у сосны верхушку. А на месте излома осталась тонкая и длинная щепка.

Я много раз проходил по тропинке около сосны и не обращал на нее внимания. Но как-то еще издали услышал идущие от искалеченного дерева странные и непонятные звуки. Они напоминали дрожание глухой гитарной струны.

Сосновой щепкой играла сорока. Пригнет и опустит. А потом слушает. Музыкантшей оказалась белобока.

ПРЕДЗИМЬЕ

Печален осенний день в лесу. Голые стоят осины и березы. Осыпает иглу лиственница. Давно высохли и поблекли травы. Серое небо прильнуло к земле.

Надоедливо моросит колючий дождь. Неделя за неделей. А потом вдруг погода сменяется бурей. Гнутя вековые ели. Со стоном ломаются на вырубках осины. Ветер гонит опавшую листву по просекам и темным руслам речек.

Стихает буря. И однажды утром первым делом обнаруживаешь, что земля ночью напахнула на себя белый халат. Слегка морозит. Но это не настоящая зима.

А пока в лесу просторно и светло, похрустывает снежок, словно свежий кочан капусты. Находишь и другие перемены. Резвунья бе-

лочка в теплой шубке. Утепила гнездышко, проверяет кладовые. У рябчиков на пальчиках появилась роговая бахромка - своеобразное приспособление для того чтобы не соскользнуть с обледенелой веточки.

ВЫПАЛ СНЕГ

Вечером стих ветер. Небо блеснуло желто-белым закатом. Дед Иван улыбался и подшучивал над Марией.

-Ожил, старый черт, - говорила та.

Утром земля была светлой, как рафинад.

ЯГОДА-КАЛИНА

Несколько дней крутила метель. И вдруг утихла. Когда утром поднялись люди, - вокруг было спокойно. Где-то в ложбинке спрятался ветер. Пришиб его к земле мороз. Радуются ребятишки, на лыжах катаются, румянец во всю щеку.

Обрадовалась морозу и бабка Анна: подошло время сбора калины. Вон ее сколько в огороде! Взяла старушка ножницы - и за калитку. Полдня обрезала сочные тяжелые кисти. И не управилась бы, не приди на помощь соседки. Когда последний куст был обихожен, Анна сказала своим помощницам: «Ну, а завтра жду вас на пироги!»

Удались калиновые пироги на славу! Пробуют - не нахвалятся. А хозяйка улыбается: «Погодите, голубушки!» Принесла кувшин с густым бордово-красным напитком. И калиновый сок понравился всем. А бабка научает: «Он и от угара спасает, и когда ненароком отравишься чем, и когда в ушах зазвенит, и когда в боках колотье». Упомянула Анна и о том, что калиновый настой - первое средство от золотухи.

Ахали соседки, удивлялись: «Ай да ягода-калина, прямо волшебная».

ГОЛУБЕЮТ СНЕГА

Давненько не бывал в лесу, и затосковало сердце. Вот и знакомая полянка - Васина чаша. Обласканная утренним морозом, она казалась серебряной.

И сыпались, сыпались на нее со всех сторон золотые блески.

Но не только золото и серебро украшали Васину чашу. Когда солнце поднялось над бором, на поляну легли голубые тени. И от нее, наверное, пролились во все стороны голубые снега.

КАК КОРАЛЛЫ

Ночью в бездонной тишине высоко стояла луна. От стужи потрескивало в углах избы и напряженно гудели провода на столбах.

Утром небо было голубым, и верхушки берез мне показались удивительно похожими на морские кораллы.

СЕРЕБРЯНЫЕ СЕРЕЖКИ

Под утро, когда начали гаснуть звезды, проснулся в лесной чаще Дед Мороз. Потянулся, разминая косточки, молодецки притопнул. И пошел считать-пересчитывать деревья. Добрался до речки, захотелось пить. Трахнул кулачищем по льду - готова полынья, дымится, словно самовар...

Перебежал Дед Мороз в деревню. Дымки над крышами поднял. В двери клинышки позабывал, изузорил оконца.

Захотелось дочке на улочку глянуть. Подышала на стеклышко - растаяли узоры. Еще подышала - веточка березки стала видна. А на веточке серебряные сережки висят. Жаль, не успела дочка их примерить. Поднялось мартовское солнышко и унесло подарок Деда Мороза.

ПОСЛЕ МЕТЕЛИ

Иду по лесу на лыжах. Тишина. А вчера колобродила метель. Все пути-дорожки перепутала. Найдешь начало, а серединки-то нет. На окраинах полянок елки чуть ли не по грудь в сугробах.

Поколобродила метель, всего напридумала. Вон пень на просеке стоит. Пень как пень, только на верхушке у него пушистая шапка. Ни дать ни взять - огромный белый гриб.

РЫБИЙ СПАСИТЕЛЬ

Замело, завьюжило землю. Всего зима полной мерой отпустила: и искристого льду, и тончайшей работы инея. Не узнать в зимнюю пору Животовское озеро. Утонуло оно в снежных заметах, спит непробудным сном, только деревья по берегам постанывают от морозной лютости. И вот в такой глухой зимний день однажды встретил на этом озере мальчишку с пешней в руках.

-Ты что здесь делаешь? - удивился я.

-Оконца прошибаю. Рыбешкам продох даю.

Так я познакомился с Лешкой. Не раз после этого видел я парнишку. Он как-то тихо, незаметно делал большое дело: ограждал рыбу от кислородного голодания. Истинно - рыбий спаситель.

ЗИМНЯЯ РАДУГА

За садом встала зимняя радуга. Она была почти как летняя: переливалась разными цветами, от нежно-голубого до светло-розового. Только не хватало у нее силы подняться от одного края горизонта до другого.

Очарованные ею, стояли ели и сосны. Даже ветер стих, и с деревьев медленно-медленно оседала алмазная пыль. А на другой день ударили холода.

ОКУРЖЕВЕЛО

Ночью в черной бездне неба ярко светили звезды. Ближе к утру похолодало настолько, что в углах деревенского дома запотрескивало. Мать, которой по старости не спалось, молвила: «Мороз с бадогом по улице ходит, все подчистую окуржевет».

Что она имела в виду под этим словом, я понял, когда на улице рассвело. Дома, деревенские колодцы, изгороди, деревья, кусты обрядились в тончайшее, как пух, кружево. От малейшего дуновенья ветерка над ними оседало алмазное облачко.

КАК НА ПРАЗДНИК

По серебряной снежной целине, как за лошадью сани, скользит за трактором волокуша. На волокуше лежат вилы и большая деревянная лопата. Если бы кто взглянул на нас со стороны, уверенно определил бы: едут люди за сеном.

Спускаемся в низину и останавливаемся у зорода, огруженного под шапкой снега. Огребаемся. Михаил по стожару взбирается на зород и вилами начинает кидать сено. Тракторист укладывает его на волокушу. Несмотря на мороз, мы вскоре вспотели и присели отдохнуть. От сена пахнет росой, солнцем, короткими буйными грозами... Словом, в нем уместилось все лето. И когда мы снова принимаемся за работу, Михаил мечтательно говорит: «Эх! Скорее бы опять на покос». А ведь тяжела сенокосная пора. Но как ни тяжела, люди идут на сенокос, как на праздник.

ТОНОК - ДА ЗВОНОК

Течет за деревней ручеек. За хрустальность струй, за холодную живучесть дали ему люди имечко - Студенец. Случись у кого гость, обязательно бегут на Студенец. Мол, попробуй нашего чайку, подивись! Чашка за чашкой, а все вроде пить хочется, потому как в самом деле вкусна, сладка водичка из Студенца.

В декабре густо навалило снегу, без лопаты шагу не ступишь. А тут как раз такой случай, что надо сходить на Студенец за водой. Шагаю с ведерком и думаю: наверное, ручеек спрятался за сугробами. А зря опасался: звенит, говорит струйка. Позже ударили морозы, а Студенцу хоть бы что. Только пар над ним тоненьким облачком курит. Все жив маленький упрямец. Бормочет, искрится на солнце, как бы говоря: «А что мне поделается. Хоть я и тонок - да звонок, живу».

ВОРОБЬИНЫЙ КОРМИЛЕЦ

Однажды в лютую январскую стужу зашел я в кочегарку к старому знакомому Паше Колосову. В печке весело гудело пламя. А Паша сидел на топчане и растирал в ладонях кусочек черного хлеба.

-Еду вот готовлю сорванцам, - ласково сказал он и кивнул на окно.

Там, на переплете рамы, в открытой форточке сидели воробьи - целый ряд пушистых серых комочков.

Паша собрал крошки хлеба и рассыпал на досках между котлами, и тотчас затрепетали в воздухе крылышки. Воробьи безбоязненно уселись и принялись клевать. Некоторым, кажется, не хватило, и они опустились на цементный пол - добавки просят.

-Совсем как ручные, - заметил я.

Кочегар улыбнулся:

-Почитай, целый месяц от стужи здесь хоронятся, днюют и ночуют. Я для них вроде поильца-кормильца.

ВОЛШЕБНАЯ ВЕТОЧКА

Дед Иван стоял на коленях перед кучей сухих еловых веток и внимательно осматривал одну за другой.

-Ты что делаешь? - спросил я.

-А увидишь.

Наконец дед выбрал одну веточку, одобрительно хмыкнул и повел меня к углу дома. Здесь он остановился, извлек из кармана тулупчика гвоздь и молоток и прибил еловую веточку к концу бревна.

-Веточка эта, брат ты мой, не простая. Погодушку предназначена определять. Ежели книзу согнется - быть ненастью, а когда распрямится - жди хорошую погоду.

Дед Иван рассказал, что не всякая веточка годится на такое дело, а только сухая, длинная, без трещинок и надломов. Надежна она, как барометр. Словом, как ни поверни - а веточка волшебная.

МНОГОЕ НАПОМИНАЕТ О ЛЕТЕ

За ночь засыпало снегом сад. И он помолодел, как в пору черемухового белокипенья.

Торим с дочкой тропинку, рассуждая, что зимой многое напоминает о лете. Скажем, снегири на ветках, словно румяные яблоки. Весе-

ло зеленеют кусты вереса, елки да пихты. Я разгреб под деревьями снег и показал девочке брусничные побеги. Они стали чуточку светлее и нежнее. А до чего вкусны прихваченные морозцем ягодки!

Дочка насобирала целую горсточку. И окончательно согласилась со мной, что и зимой многое напоминает о лете.

ЗАБАВА-ВЕТЕР

Оттепель сменилась легким морозцем, и отправился я порыбачить на Рыстюгское озеро. Скоро очутился на крутом берегу. Что-то белое катилось вниз.

Пригляделся. Качнулась вершина ели - и упал на землю снежный колобок и покатился вниз. Один, второй, третий... Как будто в ельнике засел забава-ветер.

ОПАДАЕТ ИГЛА

От кустов и деревьев синие тени, скорее даже - сиренево-дымчатые. В руслах речек все больше оконцев с темно-серой талой водой.

Бабушка моя сожалеюще говорит: «Все не то замечаешь, внучек».

-Разве не то?

-Нынче на две недели лед раньше унесет. Раньше, чем в прошлом году, пахать поедем.

-Откуда ты знаешь?

-Посмотри-ка под ноги елке, сыплет и сыплет иглу.

ПОСЛЕДНЯЯ СОСУЛЬКА

Их было множество. Когда я с дочкой выходил на улицу, она всегда мне говорила: «Смотри, папа, какие красивые!»

Они казались выточенными из хрусталя. Когда лучик солнца попадал на них с боков, они становились светлее и прозрачнее, а внутри как бы проглядывался стерженек.

Шли дни за днями, все выше поднималось солнышко, снег с крыш убывал и убывал.

Однажды с утра отправился на Студенец с ведрами. И слышу: дзинь, дзинь - словно разбивается тончайшее стекло.

Оборвалась последняя сосулька. В этот день в логах родились зажоры.

РАСПУСКАЕТСЯ ВЕРБА

Иду лесом, уже распахнувшим зимнюю шубу. Снег рыхлый, тяжелый. Порой останавливаюсь и смотрю, как неторопливо плывут кучевые облака. Разводя между ними васильковые, и то увеличиваются, то сужаются. К полудню тучи ушли, и небо стало похоже на громадное озеро, окончательно освободившееся от льдин.

Очутившись на его берегу, я прежде всего стал бы искать точно такой же лес, а в лесу - вербу. Почуяв весну, она нынче помолодела. На прутиках ее - десятки нежных комочков, точно цыплятки, сбежавшиеся к наседке.

ПЕРВАЯ ЛУЖИЦА

В щаббе лежал глубокий снег, а здесь, в овражке, на солнечной стороне, запритаивало. Скоро показался супесок с прошлогодними травинками. А по обнажившимся корням осины, как по проволоке, заскользили капельки воды. И в один, особенно теплый, день их скопилось столько, что образовалась маленькая лужица.

ПОСЛЕДНИЙ ВОЗ

Зимой дорога была молодая, веселая, пахнущая ядреным морозом. А теперь состарилась, вся в глубоких трещинах и наледях.

-Подломились у нее колени, - сказал пожилой мужик, идущий с возом сена.

В полдень дорогу перерезал поток, превратившийся в низинке в небольшое озерко. В нем плавали клочки сена, упавшие с последнего воза.

СИЖУ ПЕЧАЛЬНЫЙ

Один знакомый ложок весь был затоплен ивняком. Весной из поля казалось, что это зеленая и полноводная река сбегает к ближайшему лесу.

Был знакомый ложок с ивами и птичьими песнями. А теперь не стало его. Заготовители корья начисто извели мою реку. Сижу на поваленном дереве печальный.

СНЕГ ГОРИТ

Ранним утром отправился я на свою пожню, прихватив с собой топор и пилу. Надо было кое-где убрать кусты ивняка да спилить с десятков елок, стоявших посередине пожни. Летом они отбрасывали тень, отчего сено сушилось медленно.

Шлось по раскисшей дороге с поклажей нелегко, и на небольшой полянке решил отдохнуть, благо было где присесть: на краю ее лежала сваленная ветром осина. Полянка почти вся оттаяла, только по краю еще сохранилась полоска снега. С юга по узкому лесному коридору тянуло теплом, смешанным с запахом хвои. Медленно над лесом поднималось алое солнце. И вот по полянке брызнули лучи. Белое облачко пара накрыло оставшуюся полоску снега. Он словно загорелся.

САЛЮТ ВЕСНЕ

Унялся дождь. И сразу же по логам, где еще лежит снег, покатился туман. Сквозь него ивовые кустики выглядят маленькими костерками. Кажется, дунет ветер - и поднимутся ввысь искорки-звездочки - салют Весне.

ЛАКОМКИ

В лесу терпко пахнет хвоей и разогретой смолой. С дедом Иваном идем по размякшей дороге, пробираемся на речку Большая Микитиха, где водится стремительная рыба хариус. Дед загадочно молчалив. Я знаю: опять чем-то хочет удивить. И не ошибся. В березовой роще услышали стук дятла. Дед встрепетнулся: «Только тихо!..»

Вскоре подошли к маленькой березке. Лесному хирургу вроде бы здесь делать было нечего. Дед заметил мое нетерпеливое движение и шепнул: «Сейчас все поймешь». Дятел опустился с ветки к основанию дерева.

«Тюк-тюк», - и замер. Минуло две-три минуты. Дятел передвинулся на новое место и опять: «Тюк-тюк». И снова передышка.

-Странный он какой-то, - сказал я.

Дед Иван собрал лукавые морщинки на лбу и ошарашил меня:

-Он же сок пьет!

В рощице нашли мы с десяток берез с маленькими дырочками в стволах. И тут побывали дятлы-лакомки.

ЯБЛОНЬКА

На высоком берегу Животовского озера уперлись в него меднобокие сосны. Ближе к воде - белоствольные березки и вечно тревожные осинки. У самой кромки водной гляди - кусты ивняка.

Как-то раз пришел я на свое избранное местечко в эти ивняки, закинул между кувшинками удочку и сижу - был конец мая. На противоположном берегу - кипение черемухового цвета, а на моем - ни одной черемухи. Обидно даже как-то.

И вдруг слышу: робко-робко надо мной листочки шушукуются, совсем не так, как листья березок и ив. И пчелы звенят. Откуда взялись?

Встал, оглянулся и увидел яблоньку. Махонькую, но всю в цвету. Обрадовался, как радуются долгожданному письму или подарку.

СИЛА ЖИЗНИ

После ходьбы за грибами или рыбной ловли на речке Кумбисер я часто отдыхал на пеньке, что около пожни с поэтическим названием Васина чаша.

Приехав на каникулы из Ленинграда, снова отправился на знакомое место. Ничего как будто не изменилось. Только облюбленный мною пенек стал совсем не таким. Сердцевина его окончательно прогнила, хотя бока казались довольно крепкими. А из середины тянулась вверх маленькая, робкая березка.

ВОДУ ПЬЕТ

С утра сильно парило. И низко над землей летали ласточки, ловя насекомых. В пыли барахтались воробьи. А моя собака скусывала жесткие травинки. «Быть дождю», - решил я. Так оно и получилось. В послеобеденное время на небе

заходили тучи. Зловещие, черные, они скоро заняли полгоризонта.

Но вот отсверкали молнии, притих ливень. И на небе повисла, словно коромысло, разноцветная радуга. Одним концом она упиралась в лес, а другим в реку. Знакомая старушка осталась рядом со мной, любуясь радугой. И сказала коротко о ней: «Воду пьет».

НОЧНОЙ ПЕВЕЦ

Было около двух часов ночи. Мне не спалось, и я вышел в сад, напоенный теплом распускающихся листьев.

Когда слышался голос соловья, мне показалось, что и березка, возле которой я стоял, вздрогнула радостно и тревожно.

ЖИВОЙ МОСТИК

Верховья речки Микитихи поросли ивняком да пихтой. Иногда к воде выбегают березовые рощицы. У прохладных курпажин встречаются рябинки.

Пробираясь по речке с удочкой, натолкнулся на поваленную старую черемуху. По всему стволу, лежащему над быстриной, поросли молодые побеги.

Стоял май. Я перебрался по живому цветущему мостику на другую сторону.

ДОЖДИК МАЯ

Ночью я проснулся от непонятного беспокойства. То, что под окном разговаривали ели, - сразу уловил. То, что легонько раскачивался желобок под крышей - понял. Дружок, обычно спавший на улице, поднялся и прошмыгнул под крыльцо.

Потом ветер куда-то отнесло, и в установившейся тишине будто треснула яичная скорлупа - до того были ощутимы первые капельки по стеклу.

Очевидно, горячи и сладки были первые дождинки, потому что с утра, подмятые было заморозками, весело вздохнули ручьи. Над Красной горкой комариным облаком повис пар.

Где-то в глубине просветленного леса тревожно и радостно подала голос кукушка...

...Зачастую маешься, ждешь чего-то. И оказывается иногда - обыкновенного весеннего дождика.

БЕЛЫЕ КАМУШКИ

Косил. Захотелось напиться. Пока пил, ничего не замечал и не ощущал, кроме прохладной, почти обжигающей воды. И только потом увидел, что дно водопада выстлано сине-красной глиной. А на ней лежали, точно на блюдечке, белые, как снег, камушки.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

После грозы на траве много белых бабочек. А небо еще тяжело от влаги. Оно налилось ею, словно грудь молодой матери.

АИСТЫ

Весной, когда начали утихать говорливые речушки и пробиваться первые клейкие листочки, прибежали ко мне соседские ребята и, перебивая друг друга, враз заговорили: «Дядя Слава, пойдем скорее, какие-то птицы прилетели, по лугу ходят, смешные, никого не боятся. Мы таких еще не видели».

Луг рядом, около ручейка Студенец. По талой земле важно расхаживали белые аисты. Я рассказал ребятам, что аисты живут на юге, что жители Украины и Молдавии специально устраивают для них гнезда на крышах своих домов, существует даже поверье, что аисты приносят счастье.

Рассказал ребятам, что прилет аистов к нам, на север - очень редкое явление, и наказал беречь птиц.

Летом я вновь приехал в деревню и первым делом отправился на Студенец. Аисты спокойно занимались своим делом. Порадовался, что мальчишки выполнили мой наказ, и что у аистов появилась новая родина, не менее прекрасная, чем юг.

ПЕТУШИНАЯ НЕЖНОСТЬ

Цвик-цвик-цвик...С утра до позднего вечера попискивают в просторной загородке желтые пуховые комочки.

-Цып-цып-цып, - подходит к загородке дочка и протягивает в дверцу блюдечко с мелко нарезанными яичными желтками.

-Клюйте, цыплятки, растите.

Дни стояли чудесные, но однажды южный ветер переменялся на северный, и зеленую июльскую землю окропило инеем. Утром солнце отогрело землю: весело защебетали птицы, поднялись на тоненьких ножках цветы. Запопрыгивали цыплята, и только один петушок стоял понуро.

-Не жилец, видно, - заохала бабушка.

-Бабушка, отдай его мне, - попросила внучка. - Я за ним поухаживаю, авось, поправится.

Она принесла петушка в кухню, положила в подпечье, посыпала речного песка. И стала заботиться о маленьком пациенте. Почти насильно кормила и поила его, частенько выносила на солнышко. И петушок стал набираться сил.

... Когда девочка выходит во двор, ей навстречу выбегает огненно-рыжий, с большим красным гребнем набок, петух. Он вытягивает шейку. Бусинки его глаз влажнеют, в горле что-то перекатывается, точно горошинки на решете. Бойкая птица замирает. И, наконец, раздается звонкое, радостное кукареканье.

БЕРЕЗКА НА КРЫШЕ

До чего неприхотливы наши северные деревья! И стужу, и зной переносят, и лихие ветры, не ропща на судьбу. И растут они порой там, где бы не подобало расти. За много лет нанесло тонкий слой почвы на деревянную крышу заброшенного сельского дома. Потом нашло здесь приют семечко березки. Однажды весной оно проклюнулось, и зачалось деревце.

... Стоит за печной трубой молоденькая березка, тянет к солнцу зеленые ветки.

РОДНИКОВАЯ ПЕСНЯ

Деревушка Серпово одним концом лежит в поле, а другим сбегает к оврагу, поросшему ивняком да осинником. Когда-то здесь обкатывали камешник говорливые струйки, было ухоженно и чисто.

Мечтал отворить родниковую песню и пенсионер Петр Вязников. С осени заготовил осиновые кряжи, вытесал из них желоба. К весенней поре припас несколько мешков цемента и, как только оттаяла земля, начал работу.

Гулко отдавалась в ушах кровь, немели руки, порой заходило сердце: тяжел труд землекопа. После, с помощью жены и дочери, он отлил из цемента огромный куб и опустил его на дно ямы, где уже забили ключи. А затем установил желоба. И опять обкатывают камешник говорливые струйки, полощут в колоде белье женщины, звенят у колодца ведрами озорные девушки.

ЕЛИ ШУМ

В саду росли черемухи и несколько рябинок, а под их тенью как-то незаметно проклюнулась елочка. На благодатное, видно, место угадало семечко: как на дрожжах поднималось деревце.

Много зим минуло, много весен пролетело. Деревце превратилось в стройного великана.

Возвратившись с рыбалки, я любил сидеть под елью, слушать торжественный и спокойный шум ветра в ее вершине. Но началась гроза. Она всю ночь грохотала над деревней. А наутро я увидел обезображенную ель. Вершина ее была сломана. В изломе застыла смола. Этот излом был так бел, что походил на выбеленную солнцем кость.

Я думал, что захиреет дерево, не оправится от тяжелой раны, но ошибался. Возле излома поднялась маленькая лопочка и потянулась вверх к солнцу. Так началась новая верхушка.

И опять часто сижу под елью, подолгу слушаю величавый шум ее обновленной вершины.

ПЕСНЬ О КАПЕЛИ

Лютый нынче выдалась зима. Трудно пришлось птицам: голодно, холодно. Прибились они к деревьям. Порхают у конюшен, возле ферм и амбаров, около кормушек в огородах попрыгивают. Крошки хлеба да ягодки поклевывают.

Куда только не заберутся пернатые в поисках еды и тепла! Довелось мне как-то побывать в ремонтно-механических мастерских леспромхоза. В огромном зале гудели станки, стучали молотки. И здесь, где властвовала техника, я заметил синичку. Она спокойно перелетала с одного места на другое, пока, наконец, не скрылась в цехе, где трудился Александр Сверчков - пожилой, добродушный слесарь.

Любопытствуя, я зашел к нему.

-Синичкой интересуешься?

-Интересуюсь.

-С первыми холодами ко мне пожаловала. Семечками стал угощать, кусочками сала. Вначале пугалась меня, теперь, бывает, за одним столом кормимся.

Все выше поднималось солнышко, все длиннее становились дни. И однажды синичка запела «ци-ци-ци, ци-ци-ци». Когда в полдень Саша вышел на улицу, услышал тоненький хрустальный звон сосульки. И понял, что синичка пела о первой капели, о распахнутом голубом небе.

ЗА СМОРЧКАМИ

Лес еще полон чистой снежной воды, еще только проклюнулась травка. Но однажды утром тормошу дочку, и мы идем по грибы. Вот и первый: на серовой ножке темно-коричневая, вся в пупырьках, - яйцевидная шляпка. Она нежна, как студень, от нее пахнет перепревшими листьями, первым весенним дождем и чем-то необыкновенным.

На обратном пути из леса мы обнаружили еще несколько таких грибов у самого дома - в заброшенной полевой канаве.

Нам не терпелось попробовать их, но мать не разрешила. Она сварила сморчки в ключевой воде, а потом поджарила. Язык отъешь!

«ВЕДЬМИН КРУГ»

Мы вышли на луговую тропинку и собрались отдохнуть. Я хотел расстелить плащ, но дочка меня остановила:

-Не надо, папа, грибы сомнешь. А они такие слабые, ножки - что соломинки...

Нагнувшись, в траве я увидел бледные, с бугорками посередине грибные шляпки.

-Ох, как их много, - сказала дочка и принялась считать.

-Больше сорока, - подвела итог она. И, помолчав, удивленно воскликнула: «Да они собрались в круг!»

-В «ведьмин круг», - поправил я.

Так открыла девочка для себя луговые опенки.

МГЛА

Накануне вечером прошел теплый грозовой ливень. Утром проснулся рано, собираясь на рыбалку.

Земля была парной, как пирог, только что вынутый из печи. Солнце уже встало, но я его не видел. В этой зоревой стороне лился лишь приглушенный желтый свет: настолько плотно и густо облегал все туман.

ЕЖ-ГРИБНИК

Однажды отправился в лес попытать грибное счастье. Встал на зорьке, когда еще роса лежала на пожухлой траве. Сунул в карман краюшку хлеба и зашагал через поле к знакомому сосновому бору. Много исходил мест, а корзину едва наполнил наполовину. И я решил отдохнуть на песчаном берегу безымянного ручейка. И тут откуда-то появился ежик. Самый обыкновенный. Он неторопливо двигался по стволику березки, перекинутой через ручеек. На спинке у него лежал белый гриб. Я проследил: ежик принес его в гнездо. И снова он отправился в обратный путь. Я осторожно двинулся следом. И не зря. Такое редко увидишь. Под высокой елью росло целое семейство белых грибов.

Ничего не скажешь: удачлив ежик-грибник.

ОТКУДА РЫЖИКИ ВЗЯЛИСЬ?

В конце сада темно-зеленой стеной поднялся к небу ельник. Его посадил когда-то мой отец. Чувствуешь себя в нем совсем как в лесу. Под ногами тысячи опавших иголок, почерневшие шишки и даже мох с кустиками брусники.

В середине августа пришла сюда дочка, чтобы сломить на метелку несколько лапаков. Взглянула случайно под ноги и удивилась: целая стайка рыжиков - крупных, крепких. Позвала меня: «Такое увидишь, что не поверишь».

И вот вдвоем собираем рыжики. Добыча оказалась довольно богатой.

Откуда же взялись они в саду? Загадку разрешила мать: «Вы из лесу приходите, грибы чистите, а я все отходы под елки кидала, думаю, может, и у нас зарастут».

ЧУДО-ГРИБ

В сосновом чистом бору, на прогалинке, я увидел это чудо: большущий белый гриб, из шляпки которого, как из земли, высовывалась толстая медовая ножка, за ней опять шляпка, похожая на кедровую шишку.

Я принес находку домой и всем показал. Все удивились. А на завтра многие потянулись в сосновый бор: захотелось отыскать такой же чудо-гриб.

ЛИСИЧКИНА ДОРОЖКА

Долго мы ходили с дочкой по лесу. Нашли два моховичка да с десяток сыроежек. Расстроились от такой неудачи и собрались было домой. Бредем по дорожке, глянь - впереди что-то желтеет.

-Вроде грибы? - в сомнении говорит дочка, нагибаясь и срезая медовый, остро пахнущий пятачок.

-Грибы и есть, лисички, - отвечаю я.

-Можно брать?

-Можно.

Много набрали мы лисичек. Нажарили и намариновали вдоволь. А дорожку, выручившую нас, дочка прозвала лисичкиной.

ВОРОТА УДАЧИ

В начале июня рыжики встречаются еще редко. Первым об их появлении мне сообщил колхозный пастух. Утречком по росе вступаю в лес. В пожнях студено, знобко. Здесь не задерживаюсь, мне надо к теплым полянкам, где растут маленькие елочки.

Оглядываю одну, другую - нет рыжиков. Подхожу к третьей полянке. Вход в нее перегораживают две сосны, сомкнувшиеся вверх кронами. «Похоже на ворота», - подумал я. Нагнулся, чтобы не порвать серебряную от росы нить, и чуть не наступил на рыжий гриб-пяточок.

ЖЕЛТЫЕ ГРУЗДИ

-Папка, почему тепло и ничего не видно?

-А это грибная мгла, дочка.

-Почто грибная?

-А сейчас на полянках, под ивовыми кустами, появляются на свет желтые волнушки, а возле елочек закутываются в мох только что родившиеся белые грибы да грузди.

-А мы тоже идем по грузди?

-По грузди.

Мы миновали поскотину. Толщу тумана пробилло солнце, и он прижался к земле, побежал по дороге, скатываясь в ключевые низинки. Девочка теребила вопросами.

-А какие они, грузди?

-Есть белые, желтые, синеющие, черные; есть скрипуны, которые скрипят на зубах. А название их всех происходит от славянских слов «груздие», «грудие» - что значит «кучи».

По белые грузди я не повел дочку: слишком далеко идти, устанет. Из поля мы свернули в Подболотье. Вначале заглянули в овраг, поросший кустами ивняка. Над ними возвышались одинокие замшевые великанши - елки. Под одной из них сразу же обнаружил стайку груздей, величиной от пятака до размера с чайное блюдце.

-Клади, дочка, в корзину.

Она срезала гриб и стала рассматривать.

-Верно, желтый, в темных крапинках, а на

шляпке точно ободки, а на ножке как капельки меда выступили...

Интересен желтый груздь. Растет он и на открытых еловых влажных полянках, и даже у закраек полей, в кустах около тропинок. И самое главное - держится одних и тех же приметных для грибника мест. Ходи себе с июля по сентябрь с корзиной да пестерем. А уж до чего крепки, духовиты! А после засолки пахнут неповторимым лесным ароматом.

На другой день дочка, против обыкновения, встала совсем ранехонько: «Папка, нечего спать, пора по грузди!»

Еще одним грибником стало больше.

СКРИПУНЫ

Перейдя вброд небольшую речушку, мы поднялись с дочкой на пригорок и, в надежде набрать белых груздей, углубились в молодой ельник. Однако ничего не нашли.

Раздосадованная дочка повернула к дороге, где росли высокие осины и редкие березы. И вскоре раздался ее повеселевший голос: «Грузди!»

Да, издалека они ничем не отличались от груздей. Тоже росли кучно. И ножкой, и шляпкой походили на них, только бахромки по краям не было и колец желтых.

Чтобы окончательно убедить дочку, что она ошиблась, я срезал один гриб и попробовал его на зуб. Послышался характерный скрипящий звук.

ДОЖДЕВИКИ

Мне они напоминали матовые электрические лампочки, разве что поменьше размером. Когда я сказал об этом дочке, она возразила: «Они больше похожи на колобки из теста. Бабушка точь-в-точь такие катает, когда собирается печь пышки».

И я, и дочка - мы оба были правы.

Необыкновенные грибы выросли за одну ночь после грозового ливня. И прозвали их люди дождевиками.

НОЧНАЯ ОХОТА

Почти не клевало, хотя у самых поплавок бухалась рыба. Кузьмич, мой приятель, уныло заметил: «Июнь - на рыбу плюнь!»

Уже закатилось солнце, но было светло. Хоть книгу читай. Кузьмич зевнул и улегся у костерка. Скоро он захрапел, но мне не спалось. Я поднялся вверх по обрыву и вышел на край ржаного поля. От него пахло точно парным молочком, и матово от росы поблескивали молодые колосья.

Сбоку от тропинки, как мне показалось, лежала булочка. Кругленькая, сдобная.

-Наверное, кто-нибудь из рыбаков нечаянно обронил, - подумал я и нагнулся, чтобы ее поднять.

Но булочка приросла к земле. Была она темно-бурой. Постепенно сужающаяся кверху ножка поднимала ее над травинками. Я срезал гриб и пошарил рукой. Еще один, второй, третий. Мал мала меньше. Я сложил их в кепку и двинулся дальше. И опять мне попало несколько подберезовиков-колосовиков.

Когда кепка наполнилась, я прекратил столь неожиданную ночную охоту.

...На зорьке я разбудил Кузьмича и угостил его... грибной ухой.

ПОДАРОК

Один мой хороший знакомый живет в большом городе. Собрался я к нему в гости и задумался: чем бы его порадовать? Медом да вареньем не удивишь. Может, взять рыжиков да груздей соленых?

Родня давала разные советы, а мне пришлось по душе предложение дочки.

-Ты, - говорит, - папка, иди-ка в лес да захвати с собой лопатку. Найди табунок белых грибов и выкопай.

Положил я грибы вместе с хвоинками и сырым мхом в корзинку, увез приятелю и сказал: «Это подарок от моей дочки».

Был он ему несказанно рад и целый вечер вспоминал родные места.

ХОТЬ КОСОЙ КОСИ

Нам хотелось ее догнать, потрогать руками, но волна тумана убегала от нас, точно шаловливая девчонка. И только солнце сумело ее настичь, растопить на миллионы серебряных росинок, и, когда мы ненароком задевали листья, эти капельки обжигали нас.

Совершенно мокрые и озябшие, скоро вышли на выкошенную пожню, зажатую со всех сторон березняком. Под первым же ивовым кустом розово блеснула грибная шляпка. Бархатная, нежная, с кружочками на серединке.

Дочка набрала с десяток волнушек и незаметно пересекла полянку, очутившись возле края заглохшей дороги.

-Посмотри, что я нашла! Вроде волнушки, только цвет другой.

Да, это были они, но иной расцветки - белые, с едва заметными буроватыми кружками на шляпке.

-Хоть косою коси, - радостно сказала дочка. И принялась собирать, забыв, что еще совсем недавно ежилась от холодной августовской росы.

ГДЕ ТОЛЬКО НЕ РАСТУТ?

Где только не растут грибы! И в лесу, и на лугах, и по крайкам полей. Наконец, в садах и парках.

Однажды в городе, когда я направлялся к себе на работу, меня окликнул знакомый дорожник.

-Неделю назад асфальтировал тротуар, а уж никуда не годится!

Он нагнулся и сорвал полушершавую, светло-коричневую шляпку. Плотная, толстая ножка осталась между кусками треснувшего покрытия.

Асфальт был взбугрен на протяжении двух-трех метров.

Дорожник вздохнул и сказал:

-Пожалуй, не на одно жаркое шампиньонов хватит.

ВСЕМ ГРИБАМ - ПОЛКОВИК

Несколько раз в конце августа обжигал землю иней. С восходом солнца с крыш капало, белая, как обсыпанная солью, трава вновь принимала свой естественный цвет.

Я уходил в лес и каждый раз возвращался с пустой корзиной. Встречались старые, оплывшие грибы, а новых не росло. Думал, что повредили утренники грибницу, и не стал срезать больше рыжиков и маслят.

Настал сентябрь. Похолодало. Потом ветер подул с юга. Раз ночью проснулся от того, что, как от пушечного выстрела, вздрогнула старая изба. В окна был яркий фосфорический свет, громыхал гром.

Спать больше не хотелось. Я оделся и вышел на крыльцо. Пахло мокрым деревом и крапивой. Дождь перешел в ливень. Я подставил ладони и ощутил живое тепло звенящих струй.

Минуло несколько дней бабьего лета, и снова шагаю по лесной тропе. Она ведет мимо скошенных пожен, выходит на крутой берег Животовского озера и оттуда спускается прямо к бору. На закрайке его нахожу один масленик, другой. До того махонькие, что шляпки снизу еще не освободились от белой скользкой пленки, такие в самый раз мариновать.

Собирая масленики, продвинулся до ольховой рощицы, стоящей неподалеку от реки. Здесь меня ждал королевский подарок бабьего лета. Большущий, почти с чайное блюдо, крепкой ножкой опирался на землю гриб-боровик. В отличие от хвойника-рыжика, он светлее, ободки на шляпке розовенькие, точно у волнушки. «Крепко сидит и крепок духом», - говорят про него лесовики. И верно, ядрен. Ни трещинки, ни червоточинки.

Всю рощицу исползал я на коленках, осторожно разгребая руками вороха багровых листьев. Гриб-боровик с первого взгляда не обнаружишь. Нужно ему поклоняться. И того он стоит. Недаром знающие люди говорят: «Гриб-боровик - всем грибам полковик».

ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН

За окном окуржевившие березы, похожие на старинные пряслицы. Невидимые пряжи сбрасывают с подолов остатки кудели, и они летят на землю серебряными блестками, бес-

следно тая в морозной тишине. И только чисто вымытое небо напоминает мне о других теплых и уютных днях, когда березы за окном смотрели взглядом веселых и беззаботных молодиц.

В те отлетевшие летние дни я часто пропадал в лесу. Я уходил на далекую Баринову пашню. Первый груздь попался мне в июле. Был он небольшой, с беловато-водянистыми кружками на шляпке, с круто загнутым краем, опушенным нежной бахромой. Возле него, точно белые пуговики, рассыпались меньшие братья.

Я не срезал ни одного. Наоборот - прикрыл влажным мхом и около елки поставил примету - прислонил к ней тонкую сухую жердочку.

Через неделю мои грузди подросли. Я стал ходить возле елки кругом, все больше и больше от нее отдаляясь, и набрал целую корзинку холодных, скользких, ядерных грибов.

Я кончил ходить на Баринову пашню с первыми заморозками. Перерослые грузди большей частью уже подгнили, а маленькие, как золотые медальки, звенели, стукались о дно корзины. Это был последний поклон ушедшего лета.

СТОЯТ ЧЕТЫРЕ БЕРЕЗКИ

Серый февральский день клонился к вечеру, когда я пришел в эту небольшую деревушку, затерянную в снегах и лесах. Посвистывал ветер, гоня перед собой белые змейки. Там, где должно было сесть солнце, сквозь тучи багровело расплывчатое пятно. С тревожными криками над деревенскими крышами кружились вороны. Начиналась метель. Я постучал в первую избу и попросился на ночлег.

- Ночуй, батюшка, ночуй, места хватит, - сказала мне сухонькая, согнувшаяся от старости бабка. - Разболокайся, а я тем временем самовар поставлю.

Я разделся и оглядел свое временное жилище. Добротные, широченные лавки. Потолочины из целых бревен. От двери начинаются сосновые полаты, на которых можно разместить целую семью.

Самовар выбросил облачко и переменял тон. Бабка достала чистое полотенце и опустила в нем десяток яиц. Из подполья принесла рыжи-

ков, моченой брусники. Разрезала пирог с треской и усадила меня за стол. Завязался длинный, неторопливый разговор.

Я спросил: «А, верно ли, Анна Григорьевна, что муж у вас сады любил садить?»

-Верно, батюшка, верно. Он каждую травку уважал. До войны в колхозе-то свои яблоки снимали, не говоря уж про малину и смородину. А как погиб в финскую, так ничего и не стало. Некому ухаживать за садом оказалось. Одна березка - память о нем. Когда уходил воевать, принес ее из леса и говорит мне: «Невозмогу будет, Григорьевна, посмотри на березку - и легче станет».

Анна Григорьевна поднялась и принесла мне пожелтевшие от времени фотографии. С одной из них на меня смотрел покрестьянски степенный мужик.

-Это мой Петя. Все говорил: «Вернусь», да не судьба, видно. Лежит где-то под Выборгом.

С другого снимка улыбались молодые задорные лица.

-Один за одним родились. Сначала Миша, потом Вася, затем Ваня. Рукодельники были. До любой работушки охочие. Косить - так не угонишься, хлеб убирать - не разогнутся. А уж плотничать любили! Школа вон на угоре стоит, как игрушка. Их руками срублена. До войны-то этой сколь раз говорила: женитесь, ребята. Старший, вроде, и собирался, да опоздал. В сентябре проводила. И тоже, как отец, березку посадил. Вспоминай, говорить, маманя.

Тихо шумел старинный тульский самовар, и вторила ему тихонько Анна Григорьевна, вытирая иногда фартуком повлажневшие глаза.

-А потом очередь до среднего и младшего дошла. Те сами добровольцами пошли. Вася в 1945 погиб, а Ваня уж после войны умер, израненный. Одинешенька осталась. Истоскуется душа, так одеваюсь и на улицу иду. Гляжу на свои четыре березки. А они - как живые трепещут, веточками перестукиваются, меня, старую, утешают...

Довелось мне побывать в бабкиной деревне еще раз. Только ее уже не застал: уехала к кому-то в Мурманск в гости. Я вошел в палисадник, сел на скамеечку и долго слушал, как трепещут на ветру березы. Ко мне подошел, прихрамывая,

незнакомый человек, поздоровался, по деревенскому обычаю, первым и, потрогав шершавые стволы, произнес: «Бережем всей деревней. Память о хороших людях всегда дорога».

ЖУРАВЛИ

На ручье Студенец ладим с дедом Иваном колоду для полоскания белья. Просек в руках моего друга проворно взлетает вверх и с хрустом входит в комлистую сосну. Брызжут репчатые кусочки дерева. Наконец дед вытирает вспотевший лоб и присаживается. Появляется кисет с самосадам, и мы закуриваем, неторопливо рассуждая о достоинствах новой колоды.

Тихо в логу, ветер гудит поверху, а здесь ни одной елочки не тронет. Медленно догорает низкорослая рябина, как рыбацкий костер перед ветром. В кустах ивняка стрекохут сороки, тенькает какая-то птичка. Неожиданно новый звук заставляет насторожиться. Звук приближается к нам, и мы уже явственно слышим крик журавлей. Высоко в небе движется стая, то убыстряя полет, то замедляя, словно никак не решаясь на долгие месяцы покинуть родные места. Неизбывная грусть слышится в голосах птиц и заставляет тревожиться, по-новому оглядывать неброские поля с багряными перелесками, с какой-то особенной теплотой представить одинокие темнеющие озера с накипью опавших листьев; лесные дороги, пахнущие росой и грибами... Я думаю: как хорошо, что родился здесь и крепко-накрепко связан с этой землей, и что вот сейчас не надо никуда ехать и отрываться на долгие месяцы от своей неяркой стороны.

ЛОСИНАЯ ПИТОМИЦА

Стояло тихое бабье лето. Леса золотились и нехотя осыпали листья на теплую и влажную землю, полную терпких ягод и ядреных грибов. По утрам над лесами, сжатыми полями, отавными луговинами висел густой сиреневый туман. Кричали птухи, скрипели колодцы, бабы выгоняли скот, переговаривались.

В один из таких дней отправила свою телушку тетка Мария. Уже в сумерках пришло стадо. А телушки нет. Забеспокоилась Мария, в поскотину побежала, да где там!

И в последующие дни поиски оказались безуспешными. Посокрушалась старая колхозница, да слезами горю не поможешь.

Минула осень. Как-то зимним вечером тянет куделю Мария, нитки на веретено свивает и, как бы между прочим, говорит деду Ивану: «Кум твой Петро недавно сохатого подвалил. Часть мяса, между прочим, в столовую сдал и денежки немалые отхватил...» Молчала-молчала, а потом снова: «Чем кирпичи-то протирать на печи, сходил бы попытать счастья». Пришлось деду Ивану отправляться в город за лицензией. На обратном пути привернул к Петру и договорился о совместной охоте. Трое суток не подавали вестей добытки. И лишь на четвертые сутки в Марьиной избушке появился озябший и злой Петр. На расспросы он отвечал: «А ну его к черту, старого дурака». И махал рукой в сторону леса. Мария поставила самовар, надела шубу и вышла за околицу. Вдалеке, у края ельника, чернели две точки. Постепенно они приближались, и можно было вскоре разглядеть человека и позади него какое-то животное.

Мария зашагала встречу, и вскоре знакомый голос прокричал: «Пошевеливайся, из последних сил выбиваюсь». Дед Иван тянул за собой молодую буренку. Ту самую, которая потерялась осенью.

А случилось вот что. Двое суток преследовали лосей охотники, надеясь, что какое-либо животное не выдержит погони по глубокому снегу и отобьется от стада. Замысел не удался. Зато в Выгарках, в русле речки Быстрицы, в мелком осиннике они увидели двух лосих. Одна матерая, другая поменьше.

-Еще только светать начинало. Снимаю ружье. И вдруг слышу: «Му-у». Даже оторопь взяла. Думаю, от бессонницы померещилось, - рассказывал Петр. - Но все равно целюсь в большую лосиху. Подскакивает Иван и - бац по прикладу. Ясно, промазал. Когда дым рассеялся, старшей лосихи как не бывало. А другая стоит и снова: «Му-у». Рассердился я. А дед Иван говорит: «Ведь это наша Манька. Посмотри, и колокольчик на шее болтается». И к ней...

ОДНО ЗАГЛЯДЕНЬЕ

Колхозный конюх дядя Николай, зайдя попить лошадей, в раздумье остановился возле своего любимчика, рыжего, с веселыми глазами Сокола. Он имел обыкновение разговаривать с ним.

-По колено за ночь завалило. Так и тянет попробовать снежок-то на санях. Не хочешь ли промяться?

Сокол потянулся к нему теплыми губами и тихонько заржал.

-Хочешь, значит. Тогда становись в санки.

Николай запряг Сокола и, уже выезжая за ворота конюшни, сказал ему: «Хорошо, брат, на улице-то. Одно загляденье».

ПО НАСТУ

Днем настолько притаивает, что с крыш сильно каплет, на угретых местах с южной стороны появляются лужицы. К вечеру холодает, а ночью на небе высыпают бесчисленные звезды. За вершину далекой березы, что стоит одиноко на холме, зацепляется половинка луны.

Рано утром я собираюсь в лес.

-Валенки надень,- советует бабка.

-Так ведь, наверное, ноги промочу?

-Как бы не так, - спокойно отвечает та.

И верно. Едва я перешел за околицу и ступил на снежное покрывало поля, как тут же убедился в бабкиной правоте. Снег сделался за ночь крепким, как асфальт.

-Ну, Жук, - сказал я своему верному спутнику - лохматой собачонке, - по насту мы с тобой даже через болото влеготу перейдем.

ЕЛОЧКА И БЕРЕЗКА

Березка была юной девушкой, когда возле нее упало семечко ели, принесенное откуда-то ветром. Когда наступили теплые весенние дни, оно проклюнулось махоньким зеленым росточком и потянулось к солнцу и небу.

Минуло несколько лет. Повзрослела березка, заневестилась. А елочка под ее крылом превратилась в маленькое деревце. Так и будет расти дальше, взрослея. Так и у людей заведено: взрослый пестует дитя, помогая ему стать на ноги. А когда придет старость, в свою очередь, почувствует надежное плечо...

БЕРЕЗОВЫЕ ВЕНИКИ

Любил дед Иван попариться в баньке. В белую ни за что не пойдет, а в черную - с полным удовольствием. «В ней парок погуще, да повкуснее», - объяснял он свой выбор. И еще получал: «Любишь париться, люби и венички ломать». И своей поговорке всегда оставался верен.

Страсть к веничкам однажды крепко подвела деда. Поднялся он как-то в мезонин, глянул на вешала, и как будто кто-то шилом под бок кольнул: «Не мал ли запасец?» Одолело сомнение, и так и повело деда в лес. Долго он трудился в березовой рощице, после сел перекусить возле толстенной липы. Курит - потягивает, радуется, что доброе дело свершил. Так в отличном настроении и домой направлялся, да привлекло дупло на липе. И помогли его заметить, конечно, пчелы. «Была не была, попробую медку», - решил дед. Из еловых веток вышло что-то вроде дыма. И, вероятно, удалась бы дедова затея, да в самый ответственный момент выкуривания махнул крылом ветер-озорник и развеял едучий дым. Обрадовались такому неожиданному обстоятельству пчелы и дружно атаковали любителя дармового медку.

Не взвидел дед света, опрометью понесся из рощицы.

О чудесном спасении я узнал на следующий день из уст самого страдальца: «Какую мне приходил, да, на счастье, встретила речка, прямо в омут сиганул. Как щука отлеживался. Глотну воздуха, и опять на донышко. Покрутились пчелы, покрутились, да видят, что не взять - так и улетели».

НАВОРОЖИЛА

Долго мы ждали с дедом Иваном, когда встанет на речке лед. А в одно прекрасное утро дед неторопливо будит меня. «Ишь, разоспался, словно девка перед зарей!»

У моего приятеля уже все наготове: рюкзак, две смолистые колотушки, сачки. И, конечно, табачок на дорожку. Выходим из избы. Морозец. Звезды на небе. Провожает нас Марья: «Старый черт! За дровами надо ехать. А он по рыбку собрался! Чтоб тебе провалиться под лед!»

Пересекли поле, входим в заиндевелый лес. Потихоньку светает. Восход желтенький, как переспелый овес. Дед удовлетворенно замечает: «Приморозит - еще больше рыбки достанем». И поясняет: «В мороз-то она совсем как неживая делается, простой рукой бери». От таких слов настроение повышается. За разговором о четырехфунтовых язях, которых нам предстоит добыть, чтобы умаслить Марью, незаметно приближаемся к речке. Лед хрустальный, звонкий, крепкий. Иван украдкой крестится на счастье и говорит мне: «Смотри зорче. Увидишь рыбину - запускай по ней колотушкой. Я тронусь левым бережком, а ты - правым».

Долго ли, коротко ли, но что должно случиться, тому, значит, и быть. От левого берега, слышу, несется сдавленный крик. Оглядываюсь: мой дед в воде, одна голова торчит. Кинулся я со всех ног, еле на берег вытащил. Что да как - расспрашивать некогда, нужно в деревню побыстрее. Пришлось деду на старости лет совершить двухкилометровый кросс.

Погодя я решил проведать его. Сидел он за самоваром. Малиновый чай пил. Усмехнулся мне и говорит, показывая на Марию: «Из-за нее крещение принял. Увидел язя, думаю, опустить такого красавца нельзя. За язиным-то пирогом Марья все простит. Шибанул, да шибко, не рассчитал. Одним словом, наворожила старая...»

ВЕРНОСТЬ

В широко распахнутом синем небе плыла стая. В тугих крыльях упруго звенел воздух. И проносились навстречу птицам бесконечные леса с маленькими окошечками полей, капли озер, серебряными змеями поблескивали реки. Много дней и ночей провели в пути лебеди, стремясь поскорее достичь родных мест. Но случилось однажды так, что сели они отдохнуть и покормиться, и оставили на временной стоянке двух товарищей. Покружили, покричали, но оставшиеся не послушали вожаков, только прощально взлетели над водой.

Вокруг было тихо. Нежно пробивалась травка, по берегам широкого пруда, на мелководьях росли густые камыши. Любой из торфянистых островков вполне мог подойти для устройства гнезда.

Пришла пора - и самочка принялась строить себе квартиру. С утра до вечерней зари таскала разные стебельки, укладывала один к другому. Да не привелось отложить кладку. Нашелся какой-то бездельник с ружьем и ради забавы пустил в лебедушку заряд дроби. Бессильно сломилась гордая шейка на хрустальную струю и не поднялась больше. Подплыл к сударушке лебедь. Тревожно закричал, захлопал крыльями. И такая тоска слышалась в голосе, такая человеческая боль, что с близкой мельницы сбежались помольщики. Да чем поможешь?

Сердобольный мельник Петруша несколько раз потом подходил к лебедю, пытался кормить, но тот не брал пищи. Так продолжалось с неделю, а может, и больше. Думал, что покинет несчастное место случайный постоялец. Но нет, до перелетной осени оставался на пруду горемычный. Улетел лишь с последней стаей.

Новая весна наступила. Рано поутру Петруша стал проверять ставни. Малиновая шапочка зари еще едва-едва приподнималась над сиреневым бором. Еще дремали птичьи голоса, только вода тяжело падала в омут. И тут за мельницей кто-то звонко разбил дымящуюся гладь. Обернулся Петруша: лебедь! Тот самый, прошлогодний, с едва заметной черной бусинкой на головке. «Вернулся, значит, к своей суженой, могилке ее поклониться», - прошептал Петруша, и скупая слеза медленно покатила по дряблой щеке старика.

ОДИНОКАЯ

«Всю деревнюшку украсила березка белая» - слова из частушки. Как точно и емко сказано. И не прибавить, и не убавить.

Любит народ березку белую. Она - символ России, ее душа. А душа хранима.

Довелось однажды побывать в обезлюдевшей деревне, в которой доживали свой век четыре старушки. Вставая рано поутру, они, прежде, чем затоплять печь, спешили на заросшую травой улицу, направляясь друг в дружке. С тревогой открывали калитку и стучали в окошко: «Жива ли, Мария?» Когда Мария появлялась на крылечке, соседи облегченно вздыхали.

Возле деревушки - поле, спускающееся одним концом к серебряному холодному ручью,

бегущему среди цветущей черемухи. А посередине - береза, весьма почтенного возраста стоит одна-одинешенька. открытая всем ветрам. Грустна и печальна она осенью, когда неделями идет дождь, надоедливый и колючий.

Но вот миновала осень, а вслед и зима, когда лютовали морозы. Пришла весна - и счастливо вздохнула береза, радуясь теплу и свету.

-Кто же ее посадил? - спрашиваю я бабушку Марию.

-А никто не посадил, внучек. Сама по себе выросла.

-Но ведь поле-то пахали, могли погубить малютку.

-Бог сохранил, - уверенно сказала бабушка. И в подтверждение своих слов добавила: «В прошлом году ох какая гроза была! Я со страху места себе не находила. Молнии так и слепили. А ни одна одинокую березку не задела».

...Стоит береза посередине поля. О чем она думает, о чем горюет? Может, о том, что сиротеет земля русская? Все больше на ней появляется пустошей, заросших бурьяном. Все больше умирающих деревень.

...Стоит береза посередине русского поля. Дождется ли она красивых девушек, вплетающих в венок нежную ветвь с только что распутившимися листьями? Иль ей вечно одной нести свою судьбу? Нет ответа.

ВЕЧЕРЕЛО

Дым из печных труб шел лениво, скатываясь с крыши до самой земли. Все было серо, кроме снега на полях.

КАК АРХЕОЛОГ

Часто бываю в лесу, и всякий раз нахожу перемены. Вот из-под снега освободились верхушки можжевельника. Взлетели вверх нижние ветки елок. Вот показались расплывшиеся заячьи следы, прошлогодние листья.

Апрель, как археолог, читает зимнюю летопись.

ОТТЕПЕЛЬ

С утра метель так разыгралась, что на дороге машины шли с зажженными фарами. Потом ветер стих, и на землю обрушилась

снежная крупа, точно в летнюю пору обложной ливень. В полдень скрылись за лесом лохматые тучи, выглянуло солнышко, и на простенках домов в щелях затаил снег.

БОЛЬШЕ РЕПЫ НАРАСТЕТ

Всю ночь в окно, как нежданный гость, стучал ветер. Он точно плакался и жаловался на свою судьбу, судьбу одинокого бродяги. Вихрилась и падала на землю белая пыль, засыпая улицы и дома.

Когда деревня стряхнула сон, люди в первую очередь взялись за лопаты.

-А ну, кто дальше кинет, тому шанежка, - вышучивал с ребятишками дед Иван.

Он раскраснелся, даже расстегнул на две пуговицы полушубок.

Его соседка Мария снег на улицу не бросала, а весь из ограды вывезла на огород.

-Больше воды будет, больше репы нарастет, - пояснила она детишкам. - А дед Иван, хотя и жизнь прожил, а все недотепа.

СТАРАЯ ЛОШАДЬ

В темноте августовской ночи присмирела земля. Такая стояла тишина, что, казалось, я слышу, как падают с шипением в застывшую воду осколки далеких звезд.

Копилась печаль, и даже пламя костра не развеяло моего одиночества. То ли я задремал, то ли глубоко задумался, но, во всяком случае, не расслышал, что кто-то ко мне подошел и стоит за спиной.

Когда огонь коснулся моего лица, я резко повернулся и увидел в свете пламени грустные глаза старой лошади.

ЛЮБИТЕЛЬ ЧЕРНИКИ

Каждый раз, когда я возвращался из лесу, дочка спрашивала меня: «А черника поспела?» И однажды я ответил утвердительно.

Погожим июльским утром всей семьей идем по росистой лесной тропинке, потом сворачи-

ваем в березовую рощу, постепенно переходящую в ельник. Посередке его - небольшое полувысохшее болотце.

-Здесь и растет твоя любимая ягода, - говорю я дочери. - Смотри зорче.

Постепенно все разбрелись в разные стороны, и со мной остался только Милок - небольшой, короткопалый черный пес. Чтобы удобнее собирать чернику, я опустил на мох на колени. То в корзину, то в рот бросаю ягоды. А они крупные, кисло-сладкие, приятные на вкус. Смотрю, и Милок рядом пристроился. Глядя на меня, попробовал одну ягодину, вторую...

Когда мы снова собрались все вместе, черники у меня было меньше всех. Я виновато моргал глазами, а Милок умильно вилял хвостом.

КТО РАСКРЫЛ ЗАТАЙКУ?

Когда в лесу появились мухоморы, я подумал, что скоро вырастут и белые грибы. Примета верная. И вот через несколько дней отправляюсь в знакомый ельник. В глубине его ничего не нашел. Зато поблизости от дороги обнаружил целую семейку ядерных грибов. Заприметил место. Не раз сюда наведывался, и всегда удачно. Но однажды не повезло. Но, по всем приметам, тут побывали не грибники. Они обычно грибы срезают, а тут ножки как будто подгрызены.

Сел на пенек и решаю, куда идти дальше. Из соседней рощицы что-то промелькнуло через дорогу и взметнулось на елку. Да это же белочка! Так вот кто раскрыл мою затаинку и унес мои белые грибы.

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ

Еще осенью я подобрал в саду кленовый лист. Поднял его с земли без всякой цели. Скорее всего, наверное, за красоту. Был он охристо-красного цвета, еще зеленоватый. При каждом движении ветерка чуть подрагивал, точно стремился подняться ввысь и опять очутиться на ветке дерева-матери. И мне показалось, что движения его были вполне осознанны: кленовому листу не хотелось мокнуть под хмурыми бесконечными дождями, а потом быть засыпанным снегом и долго не видеть белого света.

Я принес кленовый лист к себе в комнату, положил вместо закладки в томик стихов. И всю долгую осень, и всю длинную зиму не читал стихи. И вот когда заголубело небо и на нем протаяли первые кучевые облака, мне захотелось вернуться к стихам о любви, о весне...

Раскрыл сборник, и мне на ладонь упал кленовый лист. За зиму он совсем пожелтел, высох. Зато на нем отчетливо проступили каналы, питавшие его живительным соком весной и летом - своеобразные кровеносные сосуды и капилляры. На мгновение стало грустно - ведь все в природе схоже с человеком. Как и кленовый лист, он рождается и умирает.

Я задумчиво походил по комнате. Потом остановился около окна, прислушался к звуку капли, к крикам грачей. И печаль моя ушла: скоро опять зазеленеет мой клен.

ДИВО ДИВНОЕ

И солнце играло, и день стоял морозный, а в воздухе серебрились на свету редкие, сухие снежинки. Вот одна упала мне на ладонь - изумительной красоты работа безвестной кружевницы. Не работа, а диво дивное.

ВОЛОДИНА РЯБИНА

В полуголодные послевоенные годы мои сверстники весной с утра до вечера проводили время на воле, собирая в подолы или решета всякие съедобные растения. Бегали на ближайшее болото за прошлогодней клюквой или в покотину за первыми грибами - сморчками и строчками, от которых пахло нежно и вкусно. Грибы по цвету и форме, в особенности строчки, напоминали большие кедровые шишки. Беловатые ножки поднимали их над влажной, выпревшей землей. Встречались сморчки и строчки чаще кучно. И собирать их было одно удовольствие.

В лес я отправился с Володей, который рос у матери один. Его отец, мой дядя, пограничник, в первые же часы войны был предательски убит националистами. Володя вместе с матерью был увезен в Германию и чудом выжил.

Он был молчалив. Любил читать, играть в шахматы и втайне писал стихи.

И вот в очередной раз решили пойти в верховья речки Микитихи. Большая вода уже сошла. Можно было половить хариуса. Кроме него, в речке водились налимы и щуки и, конечно, голяян. Порыбачили удачно. Кроме того, на обратном пути случайно набрали на болото, где так и резануло в глаза краснокипением клюквы. Освободившиеся из-под снега ягоды оказались настолько вкусны, что, казалось, таяли во рту. Собирать их приходилось осторожно и терпеливо, чтобы не размять в пальцах.

В конце болота у оконца с темной, но чистой водой росла рябина. С приходом теплых майских дней она похорошела.

-Давай-ка осенью сюда наведаемся. Наверное, ягод будет много, крупных и необыкновенно вкусных, - предложил Володя.

-Откуда ты знаешь? - удивился я.

-А видишь, возле рябины ключик бьет.

-Ну и что?

-А то, что ключик под рябиной неспроста. Значит, рябину любит. А где любовь, там и радость, там и щедрость.

Откуда такие вещие слова взял Володя - не знаю. Может быть, из глубины души своей, всегда после плена ранимой. Но слова его подтвердились. Часто бывая в знакомых местах, я непременно хожу на болото к Володиной рябинке, поклониться не только ей, но и другу детства.

И ВСПОМНИЛАСЬ НАМ КАРТОШКА

В результате семилетней войны Восточная Пруссия с городом Кенигсбергом стала обычной русской провинцией. Германия была подобна пустыне. Поля, вытоптаные конницей, дичали. Король Фридрих Великий, дабы спасти немцев от голодной смерти, повелел повсеместно развозить по стране картофель, чтобы крестьяне его выращивали, а потом им питались. Картошка спасла немцев.

Позднее, правда, с большим скрипом, картофель стали культивировать в России. «Земляные яблоки» сажать не хотели. Возникали даже картофельные бунты.

Кстати, картофель был завезен в Европу испанскими моряками из Америки. Как никакая другая культура, он сыграл огромную роль в выживании русского народа, когда наступали для него крутые времена. К таким временам можно отнести года гражданской войны, период коллективизации, время Отечественной войны, а также ряд лет послевоенного периода.

Мой отец в 1946-1948 годы учительствовал в глухом сельском уголке, отрезанном от райцентра глухим бездорожьем. Не было электричества, устойчивой телефонной связи. В местном колхозе на трудодни почти ничего не выдавалось. К тому же крестьянам приходилось платить многочисленные налоги, за неплату которых уносили из ветхой избенки последний самовар, уводили со двора последнюю козу - кормилицу ребятишек.

Отец квартировал у многодетной крестьянки, муж которой погиб в первый месяц войны. Изба ее стояла на краю сельского кладбища. В зимние лютые ночи над кладбищенскими елками стояла луна, было необычно тихо и жутко. Казалось, вот-вот появится Баба Яга или прискачет из недалекого бора серый волк.

Трудно жилось людям, особенно детям. Единственным и надежным подспорьем служила картошка. Старший сын хозяйки Санька, как только смеркалось, доставал лучину, щепал ее на мелкие дольки и растоплял лежанку. Потом доставал из подполья ведро картошки. Мы мыли ее в ведре. Осторожно чистили, резали на крупные дольки, солили и опять складывали клубень в единое целое, соединяя при помощи тонюсеньких щепочек. Клали клубни на угольки, дав им покрыться румяной корочкой. С каким наслаждением потом ели!

Минули десятилетия. Лишь один раз мне довелось встретить Саньку, уже солидного, поседевшего мужчину. Я предложил отметить встречу в столовой. Но он отрицательно мотнул головой: «Лучше посидим на природе».

И вот на берегу реки мы развели костер. И сразу вспомнились далекие зимние вечера и та картошка, спасающая от голода его братишек и сестренек.

МЕЛЬНИЦА

Когда жизнь клонится к закату, обязательно хочется взглянуть на ту тропинку, по которой в детстве бегал босиком. По серебряной

росе, меж ивовых кустов. Эта тропинка приводила меня на пруд за деревенской околицей.

Еще робко в утренней тишине проклевывались зябкие птичьих голоса. Солнце медленно поднималось над далеким сосновым бором. Бархатная с ночи гладь воды дымилась. Я устремлялся на узенькое золотистое плесо. Песок за ночь не остывал и приятно ласкал мокрые от росы ноги.

Я ловил пескарей и голянов. Незаметно бежало время. Иногда приходил мельник, дядя Николай, если не было попольцев, садился на песок рядом и свертывал самокрутку.

Над водой низко проносились ласточки-береговушки, ловко на лету подхватывая разную мошкару.

-Быть дождю, - уверенно говорил дядя Николай. Осторожно ступая на изувеченную на войне ногу, уходил проверять плотину, а потом скрывался за мельничной дверью. За плотинной глухо падала вода на бревенчатый настил, рассыпаясь на тысячи капелек.

Метрах в двух от настила был омут, где водились осторожные ельцы и сорожки. Здесь я заканчивал ловлю и шел домой.

На пруду всегда было многолюдно. После рыболовов сюда, ближе к полудню, устремлялась ребятня купаться.

Как только устанавливался крепкий лед, на пруду расчищали каток. Лед до позднего вечера потрескивал под самодельными коньками. Катались и просто на санках.

В глухозимье, когда в доме рано ложились спать, я предпочитал подолгу оставаться на мельнице. Дядя Николай ночевал в небольшой пристройке. И, на зависть всем деревенским жителям, имел керосиновый фонарь с толстым пузатым стеклом. Зажигал его и вешал на крюк под потолок. В комнате сразу становилось светло и весело.

Обычно молчаливый днем, к вечеру он становился разговорчивым. Может быть, оттого, что приходил я, и у него появлялся собеседник.

Война закончилась лет шесть или семь тому назад и долго еще давала о себе знать. Жил народ скудно, но свято верил, что жизнь впереди будет несравнимо лучше.

-Вот увидишь, все исправится, - убежденно говорил дядя Николай.

Нашаривал за печкой чугунок с вареной картошкой, ставил плетеную солонку с солью и резал на ломтики ржаной каравай, от запаха которого кружилась голова.

О фронтовых буднях дядя Николай вспоминал редко. А вот сказки любил. Устроившись на топчане и прикрывшись изрядно поношенной шинелью, он начинал рассказывать и про Ивана-царевича, и про серого волка, о русских богатырях - защитниках Отечества. От дяди Николая я, вероятно, и воспринял на всю жизнь восторг к русской сказке, любовь к русскому языку.

После окончания средней школы я уехал из дому и долго не был на малой родине. Учился, служил в армии, пробыл пару лет в далекой тропической стране. Под шум пальм мне иногда снился дядя Николай и его мельница.

Когда жизнь клонится к закату, обязательно хочется взглянуть на ту тропинку, по которой в детстве бегал босиком. Увы, потерялась тропинка детства моего. Нет уже и дяди Николая, и его мельницы. Ничто не вечно под луной.

ДОЧЕНЬКА

Старинный парк. Липовые аллеи. И одинокая пихта. На нижней, мощной лапе, как на ладони, поднимается к небу другая пихточка - доченька.

ВЫЛЕТ ШМЕЛЯ

Снег давно сошел. Появились и первые цветы мать-и-мачехи. В теплые вечера низко над теплой землей едва уловимым облачком вьются-толкуются комары.

Утром, только испарилась роса, легкую тишину разбудил вылет шмеля.

КАПЕЛЬКА НА КОНЧИКЕ ЛИСТА

В это засушливое лето почти месяц не выпадало дождя. Сохла картофельная ботва, никли травы на лугах. Старушки молили Бога, чтобы он простил грехи людям и ниспослал земле живительную влагу.

Однажды со стороны реки показалась маленькая тучка, скоро разросшаяся, подул ветер, жестко встряхивая над рекой кусты и деревья. Тяжко ударил гром. Засверкало. Наконец, полил дождь.

Когда я вышел из шалаша, все было мокро. От луговой поляны стлался низко дождевой туман. На листьях березы, стоявшей возле шалаша, висели капельки.

«Как капельки росы», - подумал я. И еще подумалось: вся наша жизнь - как эта капелька на кончике березового листа.

ТОПОЛИНЫЙ ПУХ

Иду заброшенной деревней. Она в стороне от проезжей дороги. И оттого сюда редко кто заглядывает. Разве что грибки. Кондовые пятистенки с мезонинами не заколочены. Глазницы окон мертво смотрят на затравевшую улицу, к которой уже подбираются кусты из ближнего леса. Почти у каждой избы вековые липы. А вдоль улицы, словно из вспоротых подушек, стелется тончайший тополиный пух.

СЕВЕРНЫЙ КИПАРИС

Сад выходил к ложбине, сыроватой и вязкой. Чтобы сделать место посуше, дед посадил больше десятка тополей. Они год за годом тянулись к небу, испаря лишнюю влагу. И тогда дед принес из леса калину. Это была дань бабке, любившей стряпать пироги с ягодами калины.

Поколесив немало по свету, я переступил порог отчего дома и остался в нем навсегда.

Тополя превратились в стройных великанов. Под их надежным крылом поселились кустики можжевельника, занесенные птицами. От можжевельника остро пахло зелеными иголками. Черные, поспевающие ягоды щедро осыпали колючие веточки. Я сощипнул одну ягодку и попробовал на вкус. Горька! Однако знающие люди утверждают, что в таких ягодках со-

держится много природного сахара - глюкозы. Недаром их собирали, сушили, перемалывали на ручных меленках, используя для приготовления деревенского пива.

Можжевеловыми веточками запаривали деревянные кадушки, в которых солили только что снятые с грядки огурцы. Наряду с березовыми и пихтовыми вениками ценители русской бани не забывали припасти на зиму и можжевеловые веники.

Привалило снегу. Разгреб я дорожку в саду. Рукавицей обтер скамейку.

Присел. Солнечные зайчики просвечивали сквозь голые ветви тополей и сели на макушки можжевельника.

Было тихо, как в рассветный час у моря, когда еще не очнулись от сна кипарисы, очень похожие на мои - северные.

ЛУННАЯ ДОРОЖКА

В один из августовских вечеров ушли с приятелем порыбачить. Перейдя через речку, вытекающую из зарастающей старицы, остановились за каменистым мысочком. Сразу же за ним стояла спокойная, глубокая вода. Но подобраться к ней мешали ивовые кусты. Пришлось их осторожно подсекать ножом, сделать проходы, чтобы закинуть удочки. Поклевывали ельцы, сорожки и голавлики. Изредка попадались толстые, усатые пескари.

Незаметно стемнело. Развели костерок, вскипятили чай. После недолгих размышлений решили остаться на реке до утренней зорьки. Никаких комаров. Благостная тишина окутывала наступающую ночь. Взошла луна, перекинув по воде серебристую дорожку. Речная гладь едва заметно трепетала, словно нежась под рукою луны. Спать совершенно не хотелось. Приятель мой шагнул к лунной дорожке и взмахнул удищем. И сразу же подсек крупного окуня. Я последовал его примеру. И тоже не остался без улова. Когда лунная дорожка переместилась, клев прекратился. В той стороне, куда она ушла, плеснуло. Нас сменил другой рыболов. Скорее всего, что щука.

ЛЮБОВАЛСЯ, КАК ЛАСКОВЫМИ ВНУЧКАМИ

Алексей Александрович после пенсионного возраста занимался садоводством. Многочисленные чада его выросли, разъехались по

городам и весям. И остался он в просторной избе с женой, котом Васькой, да лохматым Шариком. В небольшом саде-огороде мирно соседствовали картошка и лук, свекла и огурцы, крыжовник и слива, да разные сорта яблок, включая мелкоплодную китайку. Жена не раз просила вырубить ее, но у Алексея Александровича не поднималась рука: уж очень хорошо цвела по весне.

Незадолго до тепла пришло Алексею Александровичу письмо от дочери из Москвы. Дочка писала: «Милый тятенька, будем твою внучку крестить. Долго собирались и вот, наконец, решились. Приезжай. Будем рады. Заодно я тебе Москву покажу».

Алексей Александрович заглянул с письмом в закуток к жене, прочел его: «Что скажешь, старая? Справишься без меня по дому?»

-Поезжай, - коротко ответила супруга, с которой прожили бок о бок полсотни лет. - Знаю, не утерпишь, сядешь в автобус.

Столица Алексею Александровичу не очень понравилась: шумная, беспокойная. Единственно доброе впечатление он вынес от посещения Красной площади, от Мавзолея, где неподалеку росли голубые ели.

-Красавицы! Действительно голубые, с нежным отливом, каким бывает июньское голубое небо, - сказал он жене.

Та выжидательно посмотрела на него. Алексей Александрович продолжал: «Приглянулись мне ели, хочу вырастить у себя. Где семена достать? Напишу-ка я письмо знакомому садоводу. Может быть, что и посоветует».

У знакомого садовода семян голубой ели не нашлось, но он дал несколько адресов своих знакомых, и один из них выслал Алексею Александровичу малюсенькую бандероль.

В золотистых, легких облаках нежился май. На теплой земле помаленьку прощипывалась травка, а в затененных местах двудомная крапива выкинула свои жгучие листочки.

Алексей Александрович вынес из сарайки лопату и грабли. Вскопал грядку, тщательно разрыхлил и высадил семена. Он хорошо помнил, что их было двадцать пять штук. Взросло тринадцать. Трудно и медленно тянулись вверх росточки, хотя уход за ними велся постоянно.

-Видимо, непривычны к нашему климату, все-таки родиной с другого континента, из далекой Канады, - думал Алексей Александрович.

Может, и был прав, потому что через пару лет остались живыми всего шесть елочек. Алексей Александрович любовался ими, как ласковыми внуками, приезжавшими на лето.

Я недавно побывал в маленьком саду старого знакомого. Уцелевшие ели выросли, оттеняя первозванный снег своей непорочной красотой.

РУССКАЯ ПЕЧКА

Зима. Утро. Оцепенела от мороза улица. Даже собак не видно. И ворон, и галок нет. Видимо, улетели в лес. Все-таки там, в густом хвойнике, малость теплее.

Помаленьку светлеет, хотя солнышко только пробудилось. Его лучики над далеким бором словно рыжие волосинки на макушке у ребенка. Запоскрипывали калитки. Дымки поднялись над занесенными крышами. Весело трещат в печке сухие березовые поленья. Я смотрю, как моя бабуля, а ей уже под восемьдесят, ловко и споро раскладывает парное тесто на противни.

Закатывает в него провернутое на мясорубке и заранее прожаренное с луком мясо. Затем берет большую плоскую тушеной капусты и тоже раскладывает в тесто. Значит, будут пироги с моей любимой начинкой.

Хлопот у бабушки - не оберешься. Когда угли начали золотеть, она тщательно разровняла их клюкой, разгребая жар по всем углам печки. Выждала еще время и, перекрестившись на икону, бережно поставила противни в печку.

До сих пор памятны мне эти пироги с золотистой корочкой, мягкие, словно пуховые. Всю избу заполнял их неповторимый аромат. Настоящие русские пироги, кстати, их аромат слышен даже на улице.

В русской печке пироги пекли только по большим праздникам. Обычно в ней варили шти (щи) с говядиной, кашу, оттопляли молоко. Пользовались только глиняными горшками, которыми славились гончары из деревни Большое Фоми-

но. В обиходе, конечно, имелись и чугуны. Бабуля пристрастие к глиняной посуде объясняла мне так: «Шти и каша в фоминских горшках гораздо наваристее. Горшки равномерно прогреваются со всех боков, пища в них томится, оттого и вкуснее».

Русская печь не только обогревала и служила очагом для приготовления пищи. Она являлась своеобразным домашним доктором. Когда я простужался, бабуля поила меня горячим чаем с малиновым вареньем и укладывала на печь.

Укутывала одеялом и говорила: «Три пота сойдет, и выздоровеешь».

В некоторых деревнях в просторных печах, сбитых из глины, мылись. Перед этим их хорошенько протапливали. После выгребали пепел и застилали под золотистой соломой. Даже парились. Потом, покрасневшиеся, утомленные березовым венником, ополаскивались чистой теплой водой.

Зимним вечерами я любил лежать на печке с бабулей. Когда на улице мела метель и бился в трубе ветер, ей не спалось. Она начинала рассказывать о своем детстве, о том, как жили в старину. Но больше всего мне нравилось слушать сказки. Под говор бабки незаметно смыкались веки.

Зимой, когда в морозном небе не видно даже птиц, всякий раз я смотрю с угора на свою деревню. Столбиками стоят в воздухе дымки. Топятся под вечер печки, дышат родимые избы.

БОЛЬШИЕ СРЕДИ МАЛЕНЬКИХ

Гриша - мой сосед - наблюдательный мальчик. Своим родителям, работающим на ферме, изрядно надоел всякими вопросами. Да им, усталым, порой и отвечать некогда. Поэтому Гриша и обратил свой взор на меня, пенсионера.

Наверное, еще и потому, что летом я частенько приглашал мальчугана с собой то на рыбалку к Животовскому озеру, то по грибы в Собины.

Зима выдалась необычная. Только к середине декабря установилась зимняя дорога.

Термометр за окошком веранды рано утром стоял на отметке минус пятнадцать. А дальше началась оттепель, продлившаяся весь январь.

Иду с Гришей в магазин. А посередине деревни возле нежилого дома наклонилась над палисадником яблоня-китайка. Плоды у нее величиной с вишню. Никто их не собирал. Так и остались густо висеть на ветках. На сыром, рыхлом снегу словно ржавая накипь - кожура и мякоть яблочная.

-Ровно ненароком банку варенья разлили, - отметил Гриша. Затем он глянул вверх: «Раз, два, три, четыре, пять...»

-Ты что считаешь? - спросил я.

-Снегирей. Ого! Шестнадцать птичек.

-Порядочно. И чем они занимаются?

-Яблочки клюют. Они в оттепель мягкие. И, наверное, вкусные.

И еще Гриша сказал, что снегири на яблоне выглядят, как большие яблоки среди маленьких.

АДЪЮТАНТ

Ну вот, скажете, нашел, о чем писать! О поросенке! Но это именно тот случай, о котором грешно не рассказать.

На отшибе деревни башковитый, работающий мужик построил себе дом со всеми хозяйственными службами. Под окошком светлой просторной горницы - пруд, по берегам украшенный березками да ивами. В самый раз развести гусей или уток. Но новопоселенец не стал заниматься птицами. По настоянию молодой хозяйки привел на двор удойную корову. Затем хозяйка прикупила месячного поросенка. На молочке, да при хорошем уходе хрячок рос, как на дрожжах.

Когда отгремели весенние грозы и установилась теплая погода, проклюнулась первая травка. До вспашки сельчане стали выпускать в огороды застоявшуюся в хлеву скотину. Хрячок по кличке Васька любил, когда его чесали за ухом, даже жмурился от удовольствия. Любил он бродить по двору, греться на солнце, запускать в землю нос-пяточок, выискивая только ему ведомые корешки. Когда корову Зорьку хозяйка стала выпускать в огород, за ней устремлялся и Васька. Хозяйка с ребяташками переживала, что Зорька может забодать поросенка. Но волновалась напрасно. И так повелось: куда Зорька, туда и Васька.

В конце мая деревенские мужики собирались у околицы с топорами. Когда подошли последние, покуривая, направились к выгону и дальше к лесу - поправлять, а где и заново обновить изгородью пастбище. В понедельник в шесть часов утра хозяйка выпустила Зорьку, намереваясь сопроводить ее к выгону. Васька беспокойно захрюкал и забегал в клетке. Воспользовавшись тем, что дверца была приперта слабо, он открыл ее и потрусил к Зорьке. А та словно ожидала его. Сколько ни пыталась хозяйка водворить Ваську обратно, все попытки оказывались безуспешными. Наблюдая эту сцену и посмеиваясь, муж сказал: «Да пусти ты их обоих, а то уйдет стадо. Никуда от коровы поросенок не денется».

Все лето провел на выпасе Васька. Даже в дождливые дни, когда дорога основательно раскисала, он неизменно сопровождал Зорьку. Местный учитель, знавший все на свете, восхищенный такой дружбой животных, нарек Ваську верным адьютантом.

ЧТОБЫ РОДИТЬ СОЛНЦЕ

Ночь перед утром на короткое время густеет, словно напрягаясь, чтобы родить солнце.

МАЛЬЧИК С САНОЧКАМИ

Заканчивался ноябрь. Почти весь месяц с юга на деревеньку накатывали теплые ветры. Выпадавший в иные дни снег тут же таял. У нашего дома под старой липой лежал огромный валун, служивший бабушке неким ориентиром для предсказания погоды на ближайшие сутки.

-Видишь, снега на затылке камня нет, - указывала перстом старушка на валун, - значит, ожидай оттепели, а ежели камень везь упадет, вскорости установится зима.

Бабкина примета всегда оказывалась верной.

Тихим, чуть-чуть морозным полднем я шел с ведрами и коромыслом на Максимков колодец. В палисаде на рябине шумно возились свиристели, доклевывая полумороженные, вкусные ягоды. У палисада с легкими деревянными саночками

остановился мальчик в валенках и шубейке. Любопытно смотрел на птичек с хохолками на головке. И я остановился. Спросил из вежливости: «Ты куда, Гриша, на саночках? На горку покататься?»

-Да нет. Собираюсь в ближайший лесок, мамке березовых веток на веники нарезать, чтобы обметаться на улице было чем. Пойдем и ты со мной. Вдвоем веселее, да и сподручнее.

-Погожу еще, - ответил я.

-Поторопись, а то скоро весь лес близ деревни вырубят. Разве не видишь, весь день груженные машины на пилораму идут.

С саночками свернул Гриша в проулок, и вскоре его фигурка зачернела в поле, удаляясь к пригороду. И мне стало грустно от Гришиных слов.

СЕЕТ ЛИПА СЕМЕНА

Конец осени. Укладываю в поленницу березовые дрова. Серое одеяло неба перебирает ветер, покачивая покрытые легкой изморозью деревья. Вот-вот придет зима, а липа сеет и сеет семена. Так густо, что если бы они все взошли весной, то выросла бы целая роща.

РОЖДЕНИЕ ПРУДА

Летом, особенно в июне, частенько над деревней бушевали грозы. Одни длились двадцать-тридцать минут, другие уходили и возвращались. Дождевые потоки мчались по улице, устремляясь в Офимкину речку. Другие по склону горки за околицей скатывались в ложбину, в ручеек Студенец. Студенец год от года заболачивался, зарастал травой-дурниной и кустами. Давным-давно возле него на южной стороне стоял небольшой хуторок. Вдоль ключевого русла жители выкопали небольшие водоемчики и, чтобы их не заливало водой, опустили бревенчатый срубник в три-пять рядов. Из Рыстюгского озера приносили и запускали карасей. После коллективизации и Великой Отечественной войны хуторок постепенно хирел. Осталось лишь несколько домов. Потом и они были увезены неизвестно куда. Извелись без призора и пруды, и караси вместе с ними.

Мои сверстники, будучи подростками, любили после грозы, закатав повыше штаны, бегать за дождливыми потоками, пускать кораблики. На сей раз мы остановились у Студенца. Уже выглянуло солнце. Где-то над сосновым бором расписным коромыслом повисла радуга. Ручей быстро вошел в свои берега. На мокрой траве осталась желтая пена и различный мусор, принесенный дождевой водой. Обнажилась, вымытая ею, деревянная коробка плотины. Двоюродный брат Вовка - самый заядлый рыболлов из всей ватаги - с досадой пнул прогнивший срубник. Посмотрел на нас и предложил: «Давайте восстановим пруд. Карасей завезем. И купаться в жару здесь будем». За предложение, не споря, сразу же ухватились. Самые ретивые уже готовы были бежать за лопатами.

-Погодите, - сказал Вовка, - сначала надо взяться за срубник. Нужен лес.

-Так бревен сколько угодно валяется у недостроенной фермы, - подсказал кто-то.

-От взрослых не влетит?

-Нет, ферму забросили совсем.

В недостроенную ферму, стоявшую на угоре, пару лет назад ударила молния. Выгорели тамбур и большая часть перекрытия. Может быть, поэтому ее и не стали достраивать.

Выбирали тесаные лесины полегче. Чтобы не тащить на неокрепших плечах, взяли от телеги передок. Один конец бревна клали на передок и брались за оглобли. Таким манером к Студенцу притащили десятка два лесин.

-Вот теперь нужны лопаты, топоры, - сказал Вовка.

Проворные мальчишечьи руки разобрали сгнившую плотину. Появился любопытный ко всему дед Михаил, бывший колхозный плотник.

-Робите? А как рубить, знаете?

Дед неожиданно бойко спустился с угора.

-Кладите бревна так, чтобы получился четырехугольник, но без задней стенки. Рубить будем «в лапу».

Дед выбрал ребят посильнее.

-Вот глядите! Смекайте!

И взмахнул топором. Но скоро недовольно сморщился и пощупал лезвие: «Тупой топор». Скомандовал Вовке: «Беги за моим топором. Да прихвати оселок».

Пока одни ладили венцы во главе с добровольным ментором дедом Михаилом, другие по правому и левому берегам, где они сходились в узкую горловину, копали небольшие котлованы для срубника. Через недельку его сложили, как полагается, и засыпали глиной, хорошенько утрамбовав. Настелили елань для прохода воды и закрепили ее крепкими осиновыми досками. Так родился пруд. Каждый год на его берегах зацветает черемуха, а в зеркальной воде купаются заросли ольхи. Нагуливают жир ленивые караси. Завелась и другая рыба.

Давно уже нет деда Михаила. И где-то за Уралом живет Вовка. Затерялись где-то другие мои сверстники. А пруд пока жив. И будет жить, если народится другое поколение мальчишек.

СПРАВНО ЛИ СДЕЛАЛ?

Палисадник под липами за давностью лет изрядно прохудился. Оттого выглядел неприглядно.

-Замени ты его, замени, - не раз твердили мои близкие.

Уговорили. Целый день я таскал с ближайшей пилорамы обрезной горбыль, выбирая дощечки поровнее и поглаже. Разобрал старый штакетник. Поставил свежие столбики, соединив их верхними и нижними перекладинами, начал прибивать к ним дощечки. Да все по ниточке, чтобы палисадник получился ровным, да красивым.

Минуло несколько дней. На улице предзимняя тишь. С неба, не торопясь, падают и падают снежинки. А я у окна сижу. Смотрю: на мой новый штакетник села сорока, повертела длинным хвостом и прошла по нему. И таким манером - дважды. Что за диво? Может, мою работу проверяла - справно ли сделал?

ЛЕСНЫЕ ДОРОГИ

Каждый год с нетерпением ожидаю, когда подсохнут лесные дороги. Снег в глубине ельников стает медленно, и колеи подпитываются водой. Прокатилась первая гроза и после нее установилась погожая погода. Я беру плетеную из ивовых прутьев корзину. Сюю в карман лопот хлеба с колбасой и отправляюсь за первыми весенними грибами - сморчками и строчками. Они не похожи ни на какие другие. Словно

сдобные кусочки темно-коричневого студня на беловато-бурых ножках. По сырым, затемненным местам иногда растут кучно.

До конца июля я откладываю свои походы в лес. Жду появления сыроежек, путников и белых подгруздков.

Лесные тропы - как сеть добрых морщинок на лице моей бабки, большой охотницы до грибов. С ней я исходил, наверное, не один десяток километров в поисках рыжечных и груздевых укромных мест.

-Эта дорога на Чируху, - говорила бабка. - Пройдем с версту, будет лог. В логу бежит речка Чируха. А по ней все сенокосы.

Дорога на Чируху местами расширялась цветущими лужайками.

-Здесь когда-то рубили лес, - заметила бабка. - А на вырубках любит селиться Иван-чай.

На Чирухе испили холодной, чистой воды. Мне показалось, что она пахнет волшебными травами.

-Ничего удивительного. В воде купаются черемухи, шиповник. Даже таволга к ручью свесилась, словно умывается, - проговорила бабка.

У Чирухи дорога раздваивалась.

-Свернем вправо? - спросила бабка.

-Как угодно.

-Тогда направимся в Долотовки, а там и грузди.

Эта дорога была песчаная. Постепенно поднималась на невысокий холм, весь поросший кондовым сосняком. Между деревьями висели снопы солнечного света. На дороге между кустиками брусники и толокнянки стали попадаться красные грибы. Между тем сосновый бор стал редеть, к нему заприжмались березовые и ольховые рощицы. Дальше открывался длинный и почти чистый рукав - Долотовки, где в сенокосную пору жили в шалашах косцы из дальних деревень.

Лесные дороги... Каждая из них приметна по-своему, отличима одна от другой. Одна приводит к говорливой речке, другая - к сенокосному раздолью, третья - к озеру, где живут таинственные и ленивые караси. Но дорога может завести и в тупик.

-Если в пасмурный день нечаянно потеряешь ее, не расстраивайся, - наказывала бабка. - Ближайший муравейник поможет выбрать правильное направление. Он всегда покат к югу.

Лесные дороги... Это - неожиданные встречи. То с ватагой веселых мальчишек, спешащих за лесной малиной, то с зайчиком-сеголетком, внезапно выскочившим из-за кустов. А однажды возле Фоминской отворотки на меня выбежал большущий лось с развесистыми рогами. Одно мгновение постоял передо мной и исчез.

Лесные дороги... Это - пьянящий воздух, настоящий на травах и смоле деревьев, ощущение первооткрывателя и желание перед новым утром снова пойти в лес.

СМОТРЮ НА ОГОНЬ

Надоедливую мокрую осень наконец-то сменила зима. В конце декабря, перед Новогодьем, повадился по деревне бродить Дед Мороз. Крышки у колодцев ровно цепью приковал. Рано по утрам своей колотушкой по избяным углам запостукивал, будя нерадивых хозяек.

Во второй половине дня затопил я печку-лежанку, чтобы нагнать в избу тепла на ночь. Потрескивают березовые дрова. Веселый огонь, словно сахар, лижет сухие белые поленья.

Улетели куда-то всякие мои мысли. Смотрю на огонь, как когда-то смотрел на него древний человек в древнем лесу.

ОДНОНОГАЯ ВОРОНА

Ворона была недоверчива. И только когда, раскрошив кусочек хлеба, я уходил, слетала с ели. Приглядевшись, понял, отчего она так осторожна. Одна лапка у нее отсутствовала. Сама поранилась, или кошка пыталась схватить - непонятно. Держалась одиноко. И, жалея, я подкармливал птицу. Наступила осень с промозглыми дождями и пронизывающим ветром. Стая ворон, вероятно, скрылась от непогоды в ближайшем лесу. Не показывалась и одноногая ворона.

Вздумалось мне слазить на чердак заброшенной бани. Чердачное окно было не заколочено. Приставил маленькую лесенку. Едва сунулся в оконный проем, как над головой стремглав пролетела птица.

Больше я не решился тревожить одноногую ворону. Она благополучно провела всю зиму на чердаке, а весной вывела потомство.

Не знаю, как и почему, но подросшие птенцы, научившись летать, почти не боялись меня. Наверное, мать каким-то образом внушила им, что еще встречаются на свете добрые люди.

СЛОВНО МЯЧ

В сарайке зимой хранились косы, грабли, лопаты и разная хозяйственная утварь. До наступления теплых майских дней в нее почти не заглядывали.

Пришла пора огородных работ. Надо было копать грядки, рыхлить землю, садить овощи. Вот тогда-то бабка открывала сарайку и доставала инструмент. Минул июнь. Набрали силу луговые травы, и по деревне раздался веселый, звонкий перестук. Мужики начали клепать косы, чтобы утром пораньше, по росе, начать косьбу.

-Грешно отставать от соседей, - сказала бабка и отправилась снимать косы, висевшие на жердочке.

Вскоре раздался истошный крик, и бабка опрометью вскочила из сарайки, бестолково махая руками.

-Что с тобой? - спросил я.

-Пчелы ужалили, - простонала бабка.

Но вслед за ней вылетели не пчелы, а осы. Когда они успокоились, я осторожно заглянул в сарайку и под самой крышей увидел нечто серое, похожее на волейбольный мяч. Из гнезда торчало отверстие, напоминающее толстый нижний кончик веретена. На другое лето хитроумное жилище ос опустело, хотя я не пытался их выжить.

ПИНЕЖКА

Волею судьбы более двух лет довелось жить на далеком от родины тропическом острове. На первых порах все казалось в диковинку и радовало взор: пальмы кокосовые, цветущие апельсиновые рощи, золотые пляжи на берегу Карибского моря.

Мой друг, вологодский парень Юра, во время сезона дождей мрачнел: «Кушаем апельсины, лакомимся бананами. А я бы с удовольствием съел отварной картошки с солеными огурцами или с груздями». Грустно прибавил: «И грозы здесь не такие, как у нас на Севере. Без расписной радуги. И кра-

пивой после дождя не пахнет, и мокрыми тополиными листьями, и на реке с удочкой у омута не посидишь...»

Юрины слова мне вспомнились через много лет, когда я косил полевую траву возле речки Пинежки. Речка, каких тысячи в России. С пологими клеверными берегами, с кустами ивняка и зарослями ольхи. Вода в ней ледяная. Дно перемежается с небольшими курпажками, в которых купаются стайки голянов. Обыкновенная речка. Так почему же часто снилась на далеком тропическом острове, щемила сердце?

КУКУШКА КУКУЕТ

Унесло на реке лед. Вешняя вода затопила устья речек, низменные берега. Слилась почти вровень с Животовским озером. Когда вода начала спадать и обозначились небольшие заливчики, я решил позвать Гришу порыбачить.

Май надел на себя солнечную царственную корону и не желал ее снимать. Дни были насквозь пронизаны мягким, видимым светом, и только в ельниках лежала сумрачность. Над лесом плавал синий туман.

Едва спустились за Красную горку, как услышали голос кукушки.

-Давай послушаем, сколько нам накукует. Столько лет еще и проживем, - предложил Гриша.

Слушаем. Голос кукушки к нам доносится из сосновой рощицы, оставшейся от некогда большого бора. Прокуковала нам семь раз и смолкла.

-А хорошо бы ее увидеть. Подойдем к соснам скрадом, - сказал мой спутник.

-А может, уже улетела, - засомневался я.

Однако Гриша настоял на своем. На всякий случай мы обогнули сосновую рощицу стороной и проскользнули в нее через ольховые заросли. Притаились, выжидая очередное «ку-ку-ку».

Терпение наше вознаградилось. Спихватилась кукушка. Гриша опять считал, пристально всматриваясь в верхушки высоких сосен. Птицу удалось заметить на могучем разлапистом дереве. Она сидела на бронзовом суку почти у самого ствола. Несмотря на все наши старания, близко к себе не подпустила.

-Рассмотреть ее можно только в бинокль, - сказал я.

-А я обойдусь без бинокля. Сделаю здесь заранее засидку. Гришины хлопоты оказались не напрасными. Ему удалось увидеть кукушку с близкого расстояния.

-У нее голубовато-пепельное оперение, а брюшко беленькое с черными полосинками, - сообщил он мне.

Я дополнил Гришино сообщение тем, что кукушка не строит гнездо, а подкидывает свои яйца в чужие птичьи домики. Словом, совершает подлог.

-Но, - заметил я Грише, - все-таки кукушка полезная птица. Она нещадно уничтожает мохнатых гусениц - вредителей леса.

ТИШЬ

Днем копилась жара. Было муторно и не хотелось выходить на улицу, где кусала всякая мошка и по деревне поднималась пыль от проходящих машин и тракторов. Ничего не хотелось делать: ни лежать, ни читать, даже любимую книгу Валентина Пикуля «Фаворит». Жару не ослаблял даже ветер, несший с юга тучи, в которых изредка поблескивали молнии. И я ожидал, что будет гроза, поскольку тревожно билось сердце. Но гроза ушла за лес, оставив трепетать верхушки тополей.

Вечером долго догорал закат, и стояла такая тишь, что хотелось в умилении заплакать от неясных чувств.

БУРУНДУЧКИ

На позже возле старой березы прилег на охапку душистого сена и незаметно задремал. Подле меня лежала большая куча полусгнившего сена, оставшаяся от прошлогоднего стожъя. Очнулся от дремы и вижу, как один за другим вылезают бурундучки. Увидев меня, тревожно юркнули в нору.

Я собирался когда-то убрать полусгнившее сено. Значит, нарушил бы покой бурундучьего семейства, у которого и так немало всяких врагов, включая и человека. А ведь мы в жизни своей не только обижаем друг друга ненароком, но, в большинстве случаев, делаем это преднамеренно. Отсюда и проистекают наши общие большие беды.

КОЛОДЕЦ

Поскольку дом стоял в низине, колодец был не очень глубоким. Вкусная, холодная вода пришлась мне по нраву. Потом дом продали, его разобрали и увезли. Через год, проходя знакомым местом, я захотел напиться. Вытянул ведро, сделал первый глоток и больше пить не рискнул. Вода отдавала прелью, тиной. Колодцем долго никто не пользовался, а он без людей жить не может. Как человек, начинает болеть и глохнет.

СПОЛОХИ

Вечерами далеко на западе почти каждую ночь вспыхивали зарницы. Знакомый дед говорил: «Это зарницы овес зорят».

-Что значит «зорят»? - спрашиваю я.

-А то, мил человек, что помогают овсу вызревать.

КРУЖЕВА

Однажды повел на выпас свою Зорьку. Она шла, не торопясь. То и дело останавливалась, сощипывая приглянувшуюся травку. Вскоре перед нами открылась небольшая полянка, по краям которой густо рос шиповник. Вся полянка была усеяна серебряными паучьими кружевами. Они были так красивы, что я боялся на них наступить. Паучьи кружева - к погожему дню.

КОГДА СМОТРИШЬ...

Когда смотришь на верхушку высокого дерева через плывущие облака, то кажется, что не облака плывут, а само дерево.

ЦВЕТЕТ КАРТОШКА

Садил картошку нынче рано. Выходила она неровно. И пришлось окучивать ее дважды. Когда второй раз пришел в огород, в междурядьях кое-где картошка уже начала набирать цвет: от белоголубого до яркосинего.

Вечером перед сном мне вспомнился минувший день и зацветающая картошка. И сразу память возвратила в далекое детство. В послевоенный сорок седьмой год, когда по рус-

ским деревням царил настоящий голод. У кого из моих односельчан кончался запас картошки - это была настоящая беда. Мы, ребята, возились на оттаявших огородах, искали в земле неприбранные клубни. Находили, пекли на костре и наслаждались сладковатой, подгоревшей картошкой.

ТОСКУЕТ

Не раз доводилось слышать: когда хозяин дома умирает, его собака - верный друг - перестает есть. И никакие уговоры домашних не помогают. Кончается дело тем, что собака уходит из дома, и что с ней дальше - никто не знает. Возможно, на человеческую смерть реагируют и деревья. Может быть, и ошибаюсь. Но вот случай. Скончался хозяин в доме, и береза, стоящая под окном, до этого весело шумевшая зеленой листвой, вдруг начала желтеть, опадать, словно в начале осени.

ПТИЧКИН РУЧЕЕК

Он, точно серебряный пояс, выпал из-под ног громадной ели. Обходя старые пни, заскользил вниз к оврагу. Поодаль от животворящей струйки — миниатюрное озерцо с миниатюрным плесиком. Под тенью ели я любил отдыхать, возвращаясь с дальнего бора с грибами.

И не один я облюбовал напоенное прохладой местечко. Посещали его разные птицы, но чаще всего здесь любила возиться ворона. Вначале она пугалась меня. Но когда я стал оставлять крошки хлеба, а иной раз крошил заваливавшееся в кармане яйцо, стала более доверчивой.

Многие связующие нити с природой мы утратили по своему недоразумению. У птичкина ручейка оттаивает душа. И я искренне радуюсь, что не оборвал по своему недоразумению одну из связующих нитей с мудрой природой.

ХМЕЛЬ

В огороде, за старой баней, кроме пихты, ничего не росло. Был маленький, затемненный пустырек.

Как-то стоял здесь, размышляя, не посадить ли кусты смородины? Да спохватился: время уже ушло, стоял конец мая. Тогда ре-

шил прибрать разный мусор. И в глаза бросилось небольшое растеньице. На выющемся упругом стебельке я насчитал более десятка молодых листочков, похожих на листья лещины. Так это же хмель! Он явно томился, искал, к чему бы прилепиться, чтобы расти вверх, подниматься к небу. Я взял маленький топорик и пошел к речке вырубать тычину. Окорил, заострил и крепко воткнул в землю возле побега. Утром глянул: хмель уцепился за тычину, обвился вокруг нее. Словно бы зрячий, словно бы думающий.

А что? Все может быть!

ЗОЛОТАЯ ПОЛЯНА

Сказывали старые люди, травознаи, что зверобой от многих немочей помогает. К примеру, к его целебной силе прибегают при ожогах, кожных заболеваниях. В деревнях до сих пор используют в качестве чайной заварки, для чего зверобой собирают в пору цветения в июне - июле. Срезают верхушки и сушат в тени.

Нынешнее лето выдалось жарким. Дожди шли редко, и травы на лугах не очень радовали косцов. А вот на сырых местах, поближе к лесным перелескам, они уродились погуще. И я нынче косил возле кустов ивняка и зарослей ольхи. Уходил на пожню около трех часов утра. Хотя донимала и лезла в глаза мошкара, а затем и комары, росяная трава легко ложилась под косой. Когда из-за дальнего леса начало подниматься малиновое солнце, я наткнулся на небольшую поляну - участок заброшенного луга. Лучи солнца нежно коснулись ее и накрыли мягким светом. И поляна вспыхнула румянцем - литым золотом. Вся она была словно засеяна зверобоем.

ПЕРИСТЫЕ ОБЛАКА

Дожди и дожди. Залило кругом. Я знал, что растут масляники, обабки, красные и белые грибы. Но развезло все лесные дороги: ни пройти, ни проехать. Каждый раз, выходя на улицу, видел, как в большой луже перед крыльцом долго на воде не лопают пузырьки, а по небу плывут лохматые бурые тучи. С досады хлопал дверью и ложился на диван читать.

Так продолжалось несколько дней. Как

обычно, раненько вышел на крыльцо. Вся земля была окутана теплым, липким туманом. А сквозь него голубело небо, по которому словно мыльным мазком провели: неподвижно стояли перистые облака - верный признак окончания ненастья.

БОЖЬЯ КОРОВКА

В разгаре лето: царство травы и цветов. Уже на лесных вырубках наливаются земляника. А у огородников забот невпроворот. Особенно донимают их колорадские жуки, завезенные с клубнями картофеля из Соединенных Штатов. Расплодилось их неисчислимое количество. Только соберешь, а на завтра и того больше. Вот и я с женой собираю жуков, твердых как орехи. Вдруг она оборачивается ко мне и зовет: «Посмотри-ка, уж верно не проклятый жук?». У нее на ладони крошечное существо красной расцветки с едва заметными черными точечками на спинке.

-Божья коровка, - говорю я. И смотрю, как она медленно и доверчиво переползает с пальца на палец.

-Почему у нее такое имя? - спрашивает жена.

-Во-первых, в случае опасности у божьей коровки на сгибах передних ножек появляются капельки выделений, похожих на молочко. Правда, оно не по вкусу птицам, если они попробуют склевать божью корову. Во-вторых, она - само воплощение кротости и добра. Недаром с нею любят возиться ребяташки, приговаривая: «Божья коровка, дай молочка».

Водится она чаще всего в полях и огородах, где приносит большую пользу, истребляя разных тлей - вредителей огородных культур.

ДЛЯ ЗАЙЧИХИ ВСЕ ДЕТИ - СВОИ

Зайчиха обиходила серые нежные комочки, только что появившиеся на свет. Напоила молочком из распухших сосцов. Высокая густая трава надежно укрывала потомство. Над травой нависали кусты ивняка. Дальше со всех сторон к пятачку полянке подступали небольшие сосенки.

Солнце уже приближалось к полудню, и зайчиха решила больше не задерживаться здесь. Новорожденных зайчишек вряд ли най-

дет в этом укромном месте какой-либо хищник. А ее - неровен час - могут заметить или собака, или человек. Рисковать не стоило. Поднялась с лежки и сильно оттолкнулась задними лапами, сделала большой прыжок. Она знала, что детишки ее от голода не помрут.

Сидят зайчишки смиренно в траве и день, и другой. На третьи сутки набежала на них чужая зайчиха. Прилегла рядом с ними, подставив полные сосцы. И опять зайчишки сыты. А потом другая покормила...

Для любой зайчихи все дети - свои.

СНЕГ В ДЫРКАХ

-Глянь-ко, весь снег в дырках, - сказал дед Михайла, постукивая костыльком о порог крыльца.

-Верно. Словно решето снег, - удивился я.

-Дождик всю ночь сеялся. Взойдет солнышко, и в каждую дождевую дырочку ударит солнечный лучик. Малюсенький! Глазом не увидишь. И начнется весна, - сказал дед Михайла.

КОМАРИКИ

Постояло несколько морозных дней. Но холода неожиданно сменила оттепель. А перед тем густыми хлопьями валил и валил снег.

Днем с крыш закапало. К полудню, когда стало еще теплее, завели хороводы комарики.

РОС ЗА ПИНЕЖКОЙ ГОРОХ

В своем сельском магазине я иногда покупаю горох. Желто-вато-белый. Мелкий. Сухой. Привозной. Судя по надписи на пакете, из Краснодарского края. Разваривается такой горох долго. В гороховый суп, как положено, клал мелко нарубленное мясо, свежую картошку, лук, специи. Домашние хвалили мое варево. Но сам не испытывал от похвалы никакой радости.

-В чем дело? - гадал я.

И обратился к далеким годам детства... Пять лет назад закончилась война. Немногие возвратившиеся с фронта мужики впряглись в

тяжелую работу, поднимали на ноги колхоз. Однако люди по-прежнему жили худо. Нельзя сказать, что годы были неурожайные. На полях колосилась рожь, поспевал ячмень, наливалась добрым колосом пшеница. Деревенские же ребятишки с нетерпением ждали, когда начнет созревать горох. Впрочем, и до желанного момента они частенько появлялись в поле за Пинежкой. Выискивали самые полновесные стручки. Створки их еще зеленели, но горошины иногда встречались крупные. Крошили в ладошку и с наслаждением ели. До сих пор я помню вкус поспевающего гороха: ароматный, сладкий, нежный. Постепенно стручки желтели. Горошины, достигнув спелости, твердели. Появлялся в поле бригадир или сам председатель. Если находили, что ждать больше нечего, давали команду к уборке. Скошенный горох складывали в высокие зороды. Клали, конечно, не на голую землю, а на выстилку из жердей, чтобы снизу гороховый зород продувало ветерком. Обычно в погожий осенний день в поле приходил колесный трактор. От него к молотилке протягивался широкий ременный привод. Когда начинался обмолот, моя бабка в фартуке к вечеру приносила немножко гороху.

-Сейчас гороховицу сварю. Пойди на ключ за водой, а я тем временем почищу картошку да лук.

Никаких специй. Но, честное слово, от горячей гороховицы нельзя было оторваться. Известно дело, все выращенное на своей земле всегда слаще.

НАЛИМЫ... ИЗ БОЛОТА

Сосед мой Коля - рыбак заядлый. Едва заканчивался ледоход, он уж копает червей возле навозной кучи. Земля возле нее теплая, и черви попадаются чаще, чем на грядках.

Дорога через поле вязкая, а лесная дорога, что ведет на реку, полна талой воды. То и дело приходится обходить ее стороной, порой перелезая через поваленные ветром деревья.

Чем ближе желанная заводь, что напротив деревни Мокрецово, тем больше растет нетерпение поскорей бы ее достичь. Наконец, кончилась лесная дорога. Под лучами майского солнца блеснула под супесчаным обрывом река. За несколько

десятилетий она смыла здесь небольшое поле и почти вплотную приблизилась к коренному правому берегу. Образовался довольно широкий дугообразный залив. Переводя дух, Коля размотал лесу, наживил крючок и взмахнул удилицем. Поплавок двигался по воде, а потом его прибило на спокойную воду почти к самому берегу. Прошло порядочно времени, а поплавок стоял неподвижно. Над обрывом прошуршали чьи-то шаги.

-Как дела, рыбак? Не клюет?

Коля отрицательно мотнул головой и невольно сморщился. Вздохнул с облегчением, когда незнакомец пошагал дальше. Солнечные блики играли на воде. Посередине реки проносило обрубки бревен, доски, иногда подмытые деревья и кусты.

Рыбаки - народ непоседливый. Если в одном месте не клюет, ищут другое, чаще всего останавливаясь в устьях небольших речушек. Но Коля обладал завидным терпением. И терпение вознаградило его. Поплавок легонько вздрогнул, но тут же замер. Опять пошевелился. Замер.

-Так берет крупная рыба, - решил Коля.

Поплавок снова ожил, решительно пошел в сторону, Коля сделал подсечку. Над водой золотом блеснула крупная рыба, затрепыхалась на песке.

Клев кончился, когда неожиданно задул сиверко. Зеркало воды сморщилось. Похолодало. Пришлось отправляться домой.

Однажды я встретил Колю в жаркий июньский день на Животовском озере. Возвращался с реки почти пустой. В сумке у меня лежало с десятков ершей да несколько пескарей.

Коля маленьким сачком подхватывал возле камышей разноцветных стрекоз, потом принялся за паутов, которые садились на рубашку и штаны.

-А где рыба? - спросил я.

-Сейчас будет, - пообещал Коля.

-В такую жару вряд ли. Недаром говорят: «Июнь - на рыбу плюнь».

-Мало ли что говорят.

Удилище Коля имел самодельное. Березовое, тонкое, длинное. Он посадил на крючок стрекозу и взмахнул удилицем. И тотчас поплавок нырнул. Такой удачной рыбалки я еще не видел. Голавли и сороги, казалось, сами садились на крючок.

-Ну как? - удовлетворенно спросил Коля. - Наживку на рыбу надо выбирать по сезону. На червя она в июне берет неохотно. К тому же вода начинает зацветать.

Коля долгое время работал на экскаваторе в «Сельхозхимии». Как-то рассказал мне такую историю.

-Наш отряд отправили в совхоз. Велели осушить болото, чтобы потом добывать торф. Место, куда мы прибыли, одним концом выходило к реке, а другим - к Животовскому озеру. С бригадиром я отправился вдоль болота, чтобы посмотреть, откуда удобнее начать канаву. На болоте пахло багульником. В зарослях кустов попадались большие окна темной воды. Иные смахивали на озерки. Я наметил для работы перешеек, полого спускающийся к лесу. Надо сказать, что перешеек был широк, и мне пришлось вести канаву не меньше двух дней. Зачерпнул последний ковш - и в канаву устремилась вода. Вылез из кабины экскаватора. Сел на землю. Закурил. Дай-ка, думаю, умоюсь. Выбрал место поположе, спустился. И что ты думаешь? В канаве заметил несколько крупных рыб. Побежал к ребятам. Представляешь? Руками наловили целое ведро жирных налимов!

САМЫЕ ПЕРВЫЕ

Теплый туман поглотил остатки снега. Был он ноздреватый, нечистый, с вкраплениями почерневших листьев и еловых иголок. День, другой земля подсыхала. А на третий я решил прибраться в огороде мусор, накопившийся за зиму.

Прошлогодня травка на припеке заметно ожила, а крапива уже пустила листочки. Молоденькие, они совсем не жгутся, когда я беру их в ладонь.

После обеда получил от домашних задание привезти на тележке на парник навоз. Лежал он возле двора. Изрядно перепрел и осел. На вершине навозной кучи я едва не помял колонию чудных грибов. Малюсенькие, фиолетовые. Ножки по соломинке.

Несколько позже узнал, что мои грибки - навозники, или копронусы. Сведущие грибки объяснили, что они съедобны, но употреблять в пищу их надо молоденькими. Когда

стареют, превращаются в мягкие черные комочки. Но и в таком виде они были полезны человеку. Из черных комочков делали чернила, и в давние-давние времена ими писали важные государственные бумаги. Может быть, кто и не поверит, но это факт. Ученые обнаружили на таких документах сохранившиеся споры навозников.

Я не стал собирать крошечные грибки-парашютики. Я знал, что вслед за ними появятся на увлажненной земле шампиньоны, которые по вкусу и питательности не уступают белым грибам. Недаром когда-то шампиньоны считались украшением королевского стола.

НЕ ТОРОПИЛИ ВЕСНУ

Слепит. Пожалуй, пора в полдень вместо шапки-ушанки надевать фуражку. Все-таки козырек немного оберегает глаза от мартовских лучей. На зауголках сосновой бани, пропитанных спекшейся смолой, в середине дня курчавится едва видимый парок. Беспокойно ведут себя вороны, то высоко поднимаясь в синюю высь, то спускаясь на ели со старыми гнездами. Гриша смотрит на них и говорит: «Скоро грачи прилетят!»

Через пару дней Гриша собрался в лес на старую делянку огрести от снега поленницу дров. Пошли целиной без лыж: наст был крепок как асфальт. Возле поленницы сосновая роща. Тут и старые деревья, и молодая поросль.

-Здесь под осень я собирал бруснику. Много ее в прошлом году уродилось. Может быть, и теперь сохранилась? - с надеждой обратился ко мне Гриша.

-А ты попробуй, поищи. Снег нынче не очень глубок.

После некоторых усилий Гриша расчистил от снега небольшое местечко между деревьями. В глаза бросились нежные зеленые листья брусники с замерзшими ягодами. В изыаном тепле брусника оттаяла и показалась нам удивительно сладкой.

Мы не торопили весну, хотя, честно сказать, желали, чтобы поскорее всколыхнулись ручьи, унесло бы на реке лед и появились первые цветы. Мы не торопили весну, потому что еще не раз собирались сходиться за брусникой на Гришину вырубку.

ЗЕЛЕННЫЕ ЗАНАВЕСИ

Хотя и март, но весна по-настоящему не чувствуется. И все-таки постепенно накапливается сладкая тревога ожидания.

Ночью я иногда смотрю на ели. На толстых длинных ветвях зеленые занавеси хвои. Под дуновением ветерка они раздвигаются, и тогда видна луна, которая тоже чего-то ждет, прислушиваясь к дыханию ночи.

ПЕРВЫЕ СНЕЖИНКИ

Человек уж так устроен: зимой с нетерпением ждет весны, а с нею - наступления лета. Из всех месяцев года мне больше всего по душе сентябрь. В начале месяца золотится на убранных полях стерня. В тихие дни, когда голубеет небо, плывут в воздухе паутинки. А сам воздух над влажными ложбинками словно струится.

Сентябрь - самое время «тихой охоты». Уже отошли красные волнушки, путники, белые и черные подгруздки. Из рыжиков на заросших сосенками и осинником полях встречается крепкий боровик - толстый, красный, налитой. Иногда набредешь на переросшие белые грузди. Но уже вновь появился слой красных грибов. Сейчас, в сентябре, они расселились не только по лесным дорогам, но и по краям поженъ, в ельниках. Встречаются, но не часто, белые грибы.

В лесу необычно тихо и почти безлюдно. Установившиеся теплые солнечные дни бабьего лета для многих сельских жителей и горожан явились тем долгожданным временем, когда можно без опаски копать картошку. И все они устремились на свои огородные участки.

Тихо в лесу. Желтый лист словно висит в прозрачном, мягком воздухе. После дождей вода в колеях лесных дорог отстоялась и похожа на крепко заваренный чай. На бровках иногда набредешь на стайку маслят с темноватым отливом. Словно чувствуя, что скоро опять зарядят мелкосейные дожди, я почти каждый день брал в руки корзину и исчезал из дома, являясь с полной ношей здоровых молодых грибов. И все мечтал, чтобы бабье лето растянулось подольше. Минула неделя. Казалось, моя мечта сбывается. И уже подумывал побывать на заглохшем Рыстюгском озере.

Утро выдалось ясным. Только далеко за рекой над сосновым бором висело пепельно-белое облачко. Скоро кроны сосен скрыли его от моих глаз. Увлеченный «тихой охотой», я совершенно забыл и думать об этом облачке. И только когда поднялся на вершину супесчаного холма, почувствовал неладное. Сквозь чащу деревьев прорывался ветер. Почти полнеба закрывало серое одеяло. Когда вышел в поле и до деревеньки было рукой подать, ветер стих. Но вместо морозящего дождика на землю пали первые снежинки.

ПОД ПАРУСОМ

Февраль-бокогрей промелькнул, словно тень птицы. В марте день еще прибыл. Солнечный свет затопил землю. Запела капель. На угревных местах родились робкие лужицы. Но к вечеру холодает. Синие тени стерегут дома и деревья. К утру снег настолько твердеет, что по нему можно ходить, не боясь проступить. Устанавливается наст.

По настоянию бабки Гриша сходил на ближайшую опушку леса, принес ей пихтовый веник. А потом в голову ему пришла счастливая мысль. На широкие охотничьи лыжи положил и крепко закрепил кусок фанеры. На фанере установил нечто вроде маленькой мачты с парусом, сшитым из мешков.

Белые, слегка голубоватые заструги - словно застывшие гребни волн. И каждое утро, пока держался наст, Гриша под парусом катался в поле, как по озеру в лодке.

ДЕРЕВУ ТОЖЕ БОЛЬНО

Сосед мой огораживал усадьбу, где по весне высаживал картошку и всякие овощи. По краю огорода давным-давно выросли толстые ели, затенявшие грядки. Спилить их сосед не решался: рядом дорога, по которой люди ходили на речку полоскать белье, а с весны до осени провозжали на пастбище коров и телят. Решил сосед использовать ели вместо столбов, намереваясь прибить к ним тесаные жерди, а затем штакетник. Сосед жил один и, чтобы сподручнее работалось, пригласил в помощь Гришу.

Я шел по дороге с двумя ведрами воды на коромысле и услышал, как они спорили.

-Нельзя так, дядя Миша, - доказывал Гриша.

-Чудак ты. Не надо будет ямы копать, столбы ставить. Зачем лишний труд? - отвечал ему дядя Миша.

-Если невзначай пяткой наступишь на ржавый гвоздь, то каково бывает? - спрашивал Гриша.

-Бывает, что и ночами не спишь, - сказал Миша.

-Живому дереву тоже бывает больно, когда его поранят, - закончил Гриша.

Дядя Миша сокрушенно развел руками: «Может быть, и так». Через некоторое время я наблюдал, как дядя Миша и Гриша бодро вкапывали столбы, обходя стороной ели.

ВОДА КИПИТ

Гриша предложил: «Хочешь посмотреть, как вода кипит?»

-Будет тебе, Гриша. Разве я не знаю, как она кипит?! Вылью в чайник ковшик, воткну вилку в розетку. Пройдет немного времени - чайник нагреется, и вода закипит.

-Нет, я совсем не это имел в виду.

-Так что же?

-Одевайся потеплее, и пойдем за деревню на речку.

Следуя совету мальчугана, я натянул на себя полушубок, взял шерстяные рукавицы. Едва переступил через порог, как в груди заломило от холода.

Белое солнце медленно поднималось над горизонтом и не могло подняться. Земля окуржевела.

По скрипучей, протоптанной и острой тропинке вышли к речке. Еще недавно она текла под снегом в своих берегах. Сейчас ее было не узнать. Лютый мороз за несколько дней перехватил русло, и речка потекла по льду, расширяясь во все стороны.

Гриша взял меня за локоть: «Теперь видишь, как вода кипит? Когда уберется мороз, расчистим с ребятами наледи и будет у нас каток для игры в хоккей».

«Практичен маленький мужичок», - подумал я. Но не сказал об этом вслух, чтобы Гриша не возгордился. Иной раз похвала только вредит.

ВОЛКИ

От луны лежали тени. На чистых местах снег серебрился, как днем при свете солнца.

Было довольно поздно, и в деревне один за другим гасли огоньки в окнах.

Отец мой при свете лампы читал и не думал ложиться спать. Я тоже сидел за столом, но не читал, а рисовал в тетради Красную горку и лыжников на ней.

Рисунок закончил и решил взглянуть на улицу. Встал к окошку и принялся дышать на стекло. Отпотевшее пятно расширялось, и я увидел соседский дом с четырьмя березами под окном. Пустынная улица казалась таинственной, и я замер в ожидании чего-то.

Предчувствие не обмануло меня. Две тени мелькнули возле застывших берез и скрылись за избой, где стоял хлев соседки. Я знал, что она держит корову, а хлев вместо дверей закрыт толстым одеялом. Новые двери, конечно же, можно было сделать, обратиться она к родственникам. Свои-то мужики сгнули на войне. Но не обратилась. Возможно из-за безденежья. Это был сорок седьмой год, и люди жили худо.

Я окликнул отца: «Наверное, ко двору тетки Анны побежали волки».

Собаки в деревне давно извелись, и отец не стал сомневаться в правдивости моих слов. Быстро оделся и перебежал улицу. Вернувшись, подтвердил: «Волки! Опоздай я маленько, задрали бы корову».

-Ты впервые видел волков? - спросил отец.

-Впервые.

Он посмотрел на меня несколько загадочно: «Ты видел их второй раз...»

Отец продолжил: «Маленьким тебя мыли в бане. Как сейчас помню тот августовский теплый вечер. Уже высыпали звезды, но они нисколько не рассеяли сгустившиеся сумерки. Ты попросился на свежий воздух и что-то задержался около предбанника. Я забеспокоился. Возле тебя стояла большая собака - так я подумал. Увидев меня, она сделала огромный прыжок и растворилась во тьме. И тогда я понял, что это был волк. Утром от зареванной соседки Марии я узнал, что у нее ночью в стойке волк задушил двух коз».

Минуло много лет. В свободные от работы дни я часто хаживал в лес. В летнюю пору - по грибы и ягоды, а осенью и зимой - ради удовольствия. Находил ненароком кладовые белочки. Доводилось видеть, как мышкует лиса. Дважды случайно набрел на лосей. Но ни разу в лесу не сталкивался с волком. Бывалые охотники говорят, что он очень осторожен и скрытен. Только крайняя нужда заставляет его выходить к деревьям.

РАССКАЗЫ

ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ

Иван Софронов, отслужив в погранвойсках, только полмесяца пробыл дома. Погулял с одногодками, которые вместе с ним призывались в армию. На танцплощадке познакомился с хорошенькой девушкой Олей из соседней деревни. Помог родителям заготовить на зиму дрова, собрать новую баню, и засобирился в дальнюю дорогу - в Казахстан. Вообще-то, он мог бы и не ехать. Но, во-первых, он был комсомолец, во-вторых, дал слово своему закадычному другу Олегу Подгорному, что обязательно с ним встретится на целине. Еще перед мобилизацией их часть навестили обкомовские ребята. И, конечно, в результате этого визита некоторые солдаты и сержанты согласились поехать в среднеазиатскую страну распахать под зерновые степь, обживать нетронутые человеком земли.

На проводах мать утирала слезы: «И чего тебе приглянулась чужая сторона? Женился бы да детей завел. И работа в совхозе есть».

Отец, хотя и выпил, но молчал, только курил. Одну фразу лишь обронил: «Видно; такая ему стезя».

Оля, бывшая на проводах, грустно посматривала на Ивана. У крыльца стоял выдавший вида «уазик». Шофер Толя, давний приятель Ивана, терпеливо дожидался его.

-Все, - сказал Иван, - до свиданья.

Он обнял мать, отца, сестричку. Кивнул Оле: «Проводи до околицы».

У четырех берез, у заброшенного дома Толя притормозил. Иван и Оля вышли из «уазика». Оля потупилась и с робкой надеждой взглянула на Ивана. Взгляд ее был красноречив, и Иван сказал: «Взял бы тебя с собой, да сам еду на голое место. Вернее всего, что первое время придется жить в палатках. Не тужи. Верь и жди». С этими словами он привлек ее к себе. От ее губ пахло мятой и привкусом полыни. Почти до самой железнодорожной станции он ощущал этот поцелуй и вспоминал потом, лежа вечером в прожаренной солнцем палатке.

Молодежь в казахские степи съехалась со всей страны. В сутолоке постепенно сплывались землячества. Иван нашел вологжан, отыскал и Олега Подгорнова. Обоих зачислили в автопарк, занимавшийся доставкой горючего с ближайшего полустанка. Солярку и бензин потом приходилось развозить по точкам. К месту ночлега они зачастую возвращались за полночь.

Непривычной для северян казалась степь, раскинувшаяся из конца в конец на необъятную

ширину. Напрасно взгляд искал подобие тенистого леса с прохладным ручьем. Только равнина, перерезанная десятками наезженных автомобильных дорог. В этих дорогах можно было запросто запутаться, что порой и случалось с некоторыми шоферами.

К осени на месте палаточного городка появились первые общежития. Их привозили из России и собирали плотницкие бригады. Открылись столовая и магазин, ателье бытового обслуживания. Поговаривали, что в скором времени распахнет двери клуб.

Жизнь налаживалась. С первыми настоящими заморозками Иван выкроил отпуск и засобирався домой. Перед тем побывал у директора совхоза и попросил выделить комнату в общежитии, сказав, что собирается привезти молодую жену. У директора находился начальник автопарка. Закончив разговор о текущих делах, оба закурили. Услышав просьбу Ивана, начальник автоколонны одобрительно усмехнулся: «Значит, собираешься пустить здесь корни? Правильно. Семейные люди - люди основательные. Нам такие нужны в первую очередь».

-Я его знаю, - продолжил начальник автопарка. - Трудяга. Надо парню помочь.

-Хотя с жильем пока туго, комнату выделим, - пообещал директор. - Садись, пиши заявление.

Больше года отсутствовал Иван в родимой стороне. Кое-какие изменения за это время произошли и здесь. Образовался откормочный совхоз, а колхоз «Луч» стал одним из его отделений. Строились новые фермы, мастерские и другие хозяйственные службы.

-Будем откармливать на продажу государству до трех тысяч голов молодняка. Ну, а главное: хорошо поработал - получи денежки. Ты бы сходил посмотрел, какие мастерские у нас за околицей появились. Сложены из кирпича. Есть кочегарка. А сколько новой техники! Тут тебе и тракторы, и автомашины. Оставайся дома! - неожиданно заключил отец.

Иван с улыбкой взглянул на него: «Нельзя, батя, оставаться. Там я уже пообжился, друзей завел. Они надеются, что я вернусь».

В конце отпуска сыграли свадьбу, погуляли широко и весело. В октябре по-прежнему было тепло. Краснели налитые ягоды рябины. Давно закончили копать картошку и теперь сносили ботву в небольшие кучки подальше от строений. Горький, едучий дым волнами плыл над огородами.

Хотя и октябрь, но наперло грибов, до которых Иван был большой охотник. С утра он засобирався в лес - в Поддоры.

Поддоры - заброшенные пожни, полого спускающиеся к сенокосам, поросшие островками елок. Собирали здесь не только рыжики, но и белые грибы, грузди.

-И я с тобой, Иван, - напросилась Оля.

Золотилась стерня. В поле было пустынно и тихо. Синело небо, на котором неподвижно стояли перистые облака, предвещающая погожий день.

Оля в одной руке держала корзину, а другой держалась за локоть Ивана. У речки он остановился и, подняв ее на руки, перенес на другой берег.

По заросшим поженкам рыжики приходилось искать буквально на коленях. Некошенная, побуревшая трава не просто отдавала свои сокровища. В траве рыжики в основном встречались крупные. Под елочками, где пробился недавно свежий грибной слой, рыжики походили на меднозолотые пуговицы. Чтобы заполнить корзины, потребовалось немало времени.

Приятно уставшие, они выбрались на поляну, на краю которой лежала поваленная ветром старая береза. Около нее росло несколько молодых осин. Листва с них пооблетела. Пройдет немного времени, ударит ветер с дождем, и упадут на мокрую землю последние листочки. А пока на поляне было тихо, уютно и тепло.

-Как славно здесь. Может, долго не свидеться с этой поляной. Давай присядем, - предложила Оля. И показала рукой на поваленную бурей березу.

Всею деревней провожали молодоженов. Олины подруги озорно кричали ей: «Ищи женихов, сразу приедем». Ивану родители наказывали почаще писать, не забывать их старость.

На степном полустанке их встретил Олег Подгорнов. Мужики разговаривали, а Оля неотрывно смотрела сквозь лобовое стекло.

-Неужели здесь нет ни единого кустика, ни лесочка? - с сожалением спросила она.

-Отчего же. В балочках, где родники бьют - и кусты, и деревья встречаются. Правда, небольшими рощичами. А насчет грибов - не знаю.

Несколько часов езды утомили Олю, и она, склонившись на плечо мужа, незаметно для себя задремала. Ее разбудило неловкое движение Ивана. Машину на повороте к поселку качнуло. Еще немного времени - и грузовик остановился у крылечка двухквартирного домика. Иван взглянул вопросительно на Олега.

-Тебе, друг, сюрприз. Постарались ребята из автопарка. Несколько раз ходили к директору, чтобы выделил тебе жилье не в барач-

ном здании, а в приличном домике. По правде говоря, заслужил.

С этими словами Олег взбежал на крылечко и распахнул дверь. Помог внести вещи: «Устраивайтесь».

Вечером явились Олег и с ним еще несколько друзей Ивана с подругами. Уселись за накрытым столом, обмениваясь порой шутками. Рассказывали Ивану о новостях. Засиделись далеко за полночь.

Через пару дней Иван вновь сел за руль своего бензовоза. Приезжал, бывало, поздно, но Оля не ложилась спать, дожидаясь его.

Зима пришла внезапно. Перед тем стояли погожие дни, лишь немного подмораживало по ночам. Кажется, перед выходным днем постепенно небо начало мутнеть, и к вечеру на нем не было ни одной звезды. Где-то в степной глубине зарождался ветер. Он едва тянул до поселка, но постепенно усиливался. Закружились первые снежинки. Потом снег повалил густыми влажными хлопьями. К вечеру земля растворилась в белом сиянии.

Позавтракав, Иван собрался в автопарк. Оля задержала его, попросила: «Найди мне работу, Иван! Не могу сидеть без дела. Я же учительница».

-Я бы рад всей душой. Да сама видишь - нет у нас пока школы. Семейных мало и детишек - тоже. А если тебе устроится по другой специальности?

-Я согласна.

Неделя заканчивалась. В пятницу за ужином Иван сообщил жене: «Разговаривал с начальником автопарка. Может взять тебя диспетчером. Ты как?»

-Обязательно пойду, завтра же. Ой, как ты меня порадовал, - засмеялась Оля.

С Иваном, уже пенсионером, я свиделся в его родной деревне у родительской заброшенной избы. Он стоял около нее, что-то прикидывая в уме. Мы присели в ограде под старой липой.

-Все возвращается на круги своя, - заметил Иван. - Конечно, я не гадал, что жизнь так повернется круто. Знал бы наперед, ни за что бы не покинул Россию. Покидать ее было легко, а вновь обрести стоило невероятных усилий. И таких, как я - миллионы в ближнем зарубежье. Приходи повечерять, а сейчас собираюсь в сельсовет.

Деревня в летнюю пору поздно ложилась спать. Долго не гасли огоньки в окнах. Я решил навестить соседа.

В избе на столе лежали пассатижи, отвертка, выключатели, обрывки изолянт.

-Заменяю старую электропроводку. Собираюсь переложить печь, перестлать пол в сених. Перезимую, а потом возьмусь строить дом. В сельсовете, где был сегодня, пообещали на днях прислать землеустроителя и оформить все нужные документы.

Иван умолк. Убрал со стола все лишнее и подмигнул: «Может, примем ради встречи?» В горнице царил некоторый беспорядок, какой бывает иногда у одиноких мужчин. Давно не чувствовалось здесь присутствие женщины. Словно уловив мое смятение, Иван улыбнулся: «Жена еще не приехала...»

Мы сидели долго...

До распада Союза Иван считал Казахстан своей второй родиной. Здесь прошли его лучшие годы.

-Да, есть о чем вспомнить, - задумчиво произнес Иван. - Взять хотя бы целинный совхоз. Начинали с нуля, а через некоторое время в безлюдной степи вырос поселок городского типа. Открылась и школа, где стала учительствовать моя жена. Хорошие заработки обеспечивали достойную жизнь. Когда пошли детишки, Оля завела корову, целый выводок птицы. Когда получили трехкомнатную квартиру со всеми удобствами, разработали возле дома участок под огород. Однажды, будучи в командировке на Алтае, я раздобыл в подарок жене саженцы облепихи и боярышника. Она у меня теперь увлекается садоводством. Знаешь, в поселке у нас жили люди разных национальностей. Но никого не интересовало, кто ты. Русский или узбек, татарин или мордвин. Бок о бок трудились. Ходили в гости, старались помочь друг другу. Когда развалили Союз, вспыхнула межнациональная рознь. Очевидно, кто-то ее подогревал. Русским ничего не оставалось, как уезжать, ибо терпеть всякое унижение было не в силах. Ох, как не хотелось сниматься с насиженного места, бросать все нажитое великим трудом, все, что сделал своими руками. Но однажды явился ко мне поселковый чиновник. И не просит, а требует продать ему дом. Я уговорил его подождать некоторое время, мотивируя тем, что мне негде будет жить. Слава Богу, что сыновья мои в это лихое время находились в России. Старший - кадровый военный, средний и младший пошли в мать, учительствовали в Туле. Я написал старшему сыну о сложившейся ситуации. Он пригласил приехать к нему.

Иван от нахлынувших воспоминаний помрачнел. Рука его, державшая чайник над стаканом, чуть-чуть подрагивала. Волнуясь, он почему-то говорил вполголоса, порой переходя на шепот. Так и сейчас.

Возле электрической лампочки над потолком бесцельно кружила оса, залетевшая, очевидно, в избу днем. Иван проследил за ней

взглядом: «Таким же манером, как оса, и я тыкался туда-сюда, пока не повидал сына. Спасибо, что помог. Вернувшись обратно, я продал дом наглому чиновнику. За бесценок. Забрал кое-какие вещи и с женой отбыл в Россию. Ты знаешь, что я не нытик. Но никогда не думал, сколько придется пройти различных инстанций, вытерпеть унижений и упреков от разных российских чиновников, наконец, заплатить денег, чтобы получить себе и жене российские паспорта. Никогда не забуду, как один чинуша мне заявил: «А мы тебя не посылали поднимать целину». Мы прописались у сына. Как это нередко бывает у военных, его часть передислоцировалась, и мы с женой вернулись на свою малую родину. Сейчас Оля у своих родственников в ближайшей деревне».

Рассказ Ивана настолько меня потряс, что я долго ворочался в постели. В конце концов решил, что усну на свежем воздухе, и отправился на сеновал. Дверь старого сеновала на завозне была полуоткрыта. Мерцали звезды. Где-то очень далеко играли зарницы. Свежее сено пахло еще не умершими травами: сухим звербоем, таволгой и клевером. Из огорода снизу доносило мокрой росяной крапивой. Заглянул в полуоткрытые двери месяц. Постоял, неспешно смещаясь за раскидистый тополь. Свет луны померк, и я, наконец, смежил веки. Что-то снилось тревожное. Что? Не упомню. Только одна сценка зацепилась ясно. Будто пришел ко мне Иван в одном исподнем и просит одолжить рубашку и брюки. «Вот, - говорит, - вернулся на родину сир и наг. Так приодень, пожалуйста. Встану на ноги, верну».

Утром на сеновал заглянула мать и разбудила: «Иван тебя ждет. Просит отвезти в сельлесхоз за лесобилетом. Вставай».

Когда подъезжали в городской окраине, услышали переливчатый звон. Лет пять назад верующим передали храм Казанской Божией Матери, который всем миром ремонтировали и приводили в порядок. Построили и небольшую деревянную колокольню. Храм высился на холме на берегу реки. Колокольный звон плыл по речной излуине, полуколыцом опоясывая городок.

Иван встрепенулся: «Не ожидал. Это же хорошо, что люди опять молятся и ходят в церковь. Значит, не все потеряно». И светло перекрестился.

МИЛАНКО

Жена моя решила завести в хозяйстве корову. Я, конечно, возражал, мотивируя тем, что она не умеет доить, а я отродясь не брал в руки косу. Но старый, рубленый еще дедом, двор пустовал. И дело было сделано: супруга купила корову чер-

но-пестрой породы и привела домой. Звали ее Зорькой. Смирной оказалась корова. Недельку она провела во дворе, привыкая к новой хозяйке. А когда скот пустили на выгон, Зорька пошла в стадо.

Минул в огородных хлопотах июнь. В конце месяца жена мне объявила, что нашла заброшенный лужок, и надо начинать заготавливать сено. Косы она заранее купила в хозяйственном магазине, надо было их насаживать на косовища и клепать. В раздумье сказала: «Не знаю, правда или нет, но говорят, что лучше всех отбивает Василий. Неси косы ему да присмотришься, как он все делает. Учись!»

Василий жил с женой Клавдией недалеко от сельского магазина, который в летнюю пору открывался рано. Летом спать некогда: кого огород ждет, кого сенокос... Упустишь погожее время - не наверстаешь.

Прежде чем идти к Василию, я завернул в магазин и купил чекушку. Василий не питал большого пристрастия к вину. Выпивал только по делу и к месту, но спиртное любил иметь про запас. У него имелись две бани: одна свежерубленая, другая старенькая. Старенькую он приспособил под мастерскую. Прорубил окно почти как у избы. Самолично переложил печку. Котел водогрейный выставил, на его место положил плиту. Приколотил по стенам полочки для хранения различного инструмента. В бывшем предбаннике на жердочках висели грабли, косы. Тут же, возле окошечка, стоял широкий, кондовый чурбак из сосны с небольшой наковальней - бабкой. На краю чурбака лежал специальный, полуизогнутый молоток для клепания кос.

Двери бывшей баньки были открыты. Василий возился у верстака, делая новые грабли.

-Ага! Пришел! Слышал-слышал, что решил заняться сельским хозяйством, - шутивно иронически произнес Василий.

-Жена надумала. Вот косы принес насаживать, - промямлил я.

Василий отставил грабли, снял очки и внимательно посмотрел на меня, словно увидел впервые: «Ранее с малолетства приучали сенокосничать. Взрослому привыкать труднее, да еще ежели нету желания».

Я заметил, что особого желанья заниматься сенокосом не испытываю. Если бы не настойчивость жены, вряд ли бы взял в руки косу и грабли.

Василий взял мои косы и велел приходить через три дня: «Раньше не сделать. Заказов много».

Ровно через три дня я держал в руках ладно насаженные косы.

-А теперь смотри, как надо их отбивать, - сказал Василий.

Косу он положил на бабку, а конец косовища - на туго натянутую тонкую проволоку так, чтобы она легла на бабку под небольшим углом.

-Молотком надо бить не прямо по лезвию, а с оттяжкой, чтобы оно вытягивалось ровно, без зазубрин, - поучал Василий. Взмахнул уверенно рукой - и звонко, весело ответила коса. Он несколько раз прошелся по ней клепальным молотком. Взял точилку на деревянной ручке и обмахнул ею лезвие.

-Как бритва! Коси на здоровье!

Утром, отпустив Зорьку в стадо, я вернулся домой. У крыльца встретила жена. На ступеньке лестницы лежала сумка со снедью и водой. У двери были прислонены косы.

-Пойдем косить, - сказала супруга.

Я печально взглянул на нее: возражать иногда, оказывается, бесполезно.

Солнце еще недавно выплыло над лесом. Всей кожей я ощущал неповторимую свежесть июльского утра. Через росяное поле мы спустились к лесу и пошли непрямой никем тропой. Елки, сосны и березки вперемежку скоро стали редеть, и показался узкий травяной заулочок, постепенно переходящий в заброшенную пожню. Здесь остановились. Жена открыла сумку и протянула белую рубаху с длинными рукавами и белые штаны.

-Переодевайся, овод днем меньше досаждать будет, - сказала она. И утешила, - косить станем только до настоящей жары. Потом вернемся на пожню под вечер.

Я бодро взял в руки косу. Взмахнул - и едва не ударил себя по ноге.

-Нет, так не годится. Здесь не сила нужна, а сноровка. Приглядишься, как я держу косу. Не кувырком веди.

Жена начала косить. После нее стлалась широкая зеленая дорожка полегшей травы. Почти не единого стоячего стебелька не оставалось на этой дорожке. Как я ни старался, дело шло туго. Скашивал траву неровно, словно выдергивал ее из земли. Через некоторое время заныло в пояснице, руки отяжелели. Пот заливал лицо. В глаза, уши впивалась едва различимая мошкара.

Около полудня, когда наступил самый зной и овод вился тучей, мы спрятали косы в укромное место и отправились домой.

Я проспал долго и не слышал, как жена

подоила Зорьку. Вставать не хотелось. Ныло все тело, глаза заплыли от укусов мошкары и паутов.

Нелегко давался мне сенокос, и я не раз вспоминал слова Василия, что к нему крестьянские дети приучались с малолетства. А какой же из меня крестьянин? После десятилетки учился, потом снова учился. Служил в армии. Вернулся на родину, устроился на работу, далекую от крестьянской. Только и роднило с односельчанами, что жил с ними бок о бок.

Уроки жены, конечно, не прошли даром. Затем моим учителем по части всех сенокосных дел стал Василий. Вышло так, что, выкосив заброшенную пожню, сметав в стожья сено, мы продолжали сенокос неподалеку от Василия. Его владения начинались на угоре и спускались в лог, посредине которого текла речушка, вся заросшая ивой и ольхой. Вышло так потому, что супруга Василия Клавдия пожалела нас и разрешила косить на ее участке.

Если на суходоле трава уродилась не очень, то в логу она доходила едва ли не до пояса. Кипень, а не трава. Прокашивалась она с трудом. То и дело приходилось вынимать из берестяного налопаточника точилку и отбивать косу. И над логом звенело, перекликалось: «Коси, коса, пока роса».

Над островками зверобоя, пырея и таволги еще висел туман, лениво приподнимаясь над землей. Жалила ледяная роса, горели ладони. А где-то в кустах нас подбадривал дергач, столь осторожная птица, что мне ни разу не довелось видеть ее вблизи. Кричит как будто рядом, а свернешь осторожно к кусту - его уже нет.

На лугу мы то сближались с Василием и Клавдией, то расходились в разные стороны. Старики еще могли «заткнуть за пояс» молодых. Сказывалась долголетняя привычка к крестьянскому труду, умение и терпение. Лишь около десяти часов утра Василий и Клавдия решили передохнуть. Прикрыли косы влажной травой и присели в тени ивового куста.

-Эй, молодежь, - окликнул нас шутливо Василий. - Идите к нам на беседки.

Лицо Василия загорелое, и, хотя в морщинах, глаза смотрели весело, с хитрой искринкой. Сам он худощав, чуток сутул, легок на ходьбу. Большая часть его жизни прошла в тайге. Вернувшись после войны в свой родной починок, он не застал жену в живых. В последний военный год она простудилась на сплаве, слегла и уже не могла больше подняться. Детей увезли в приют. Василий их разыскал и взял к себе.

Года два или три жил бобылем, а потом встретил Клавдию и переехал с ребяташками к ней в деревню. Устроился лесником. За долгую службу хорошо изучил свой обход, протянувшийся вдоль и поперек на десятки километров. Каждая рошица, боровинка, каждая тропка были ему знакомы. Примечал он грибные и ягодные места. Знал, где водятся рябчик и тетерев. Изучил повадки лис и зайцев. Мог на память перечислить охотоведу, сколько в его обходе лосей и кабанов. Имел ружье, но охотился редко, считал, что птицы и звери заслуживают того, чтобы их понимали и берегли. Потому-то его ненавидели браконьеры, а профессиональные охотники считали лесника малость свихнувшимся, человеком не от мира сего.

Выросли незаметно дети, вылетели из родного гнезда. Приезжали к отцу и приемной матери только в отпуск. И то не каждый год.

Несмотря на то, что Василий и Клавдия остались вдвоем, они продолжали вести домашнее хозяйство. Имели во дворе корову с теленком, разводили овец. Последних держали, скорее всего, ради шерсти, поскольку Василий слыл прекрасным каталем. Его валенки в округе очень ценились. Приезжали покупатели из других районов.

Василий достал из корзины немудрую снедь, но первым делом налил в кружку горячего чая и аккуратно закрыл термос. С наслаждением выпил и уж потом потянулся к еде. Кивнул: угощайтесь!

Хорошо было сидеть в тени, пить чай, перекидываясь словом. Однако на сенокосе и час иногда дорог. Взглянув на небо, Клавдия обратилась к мужу: «Смотри-ка, кучевые облачка заходили. Как бы дождик не прыснул. Оставим пока косы, пойдем на угор траву в валки собирать. Наверху ветер ее быстро досушит».

Кошенины на угоре у стариков было порядочно, и я предложил свою помощь. Втроем мы взялись за грабли, а Василий принялся делать стожье. Смотря по количеству сена, ставятся стожары, между ними кладутся поперечины, желательнее потолще, чтобы лучше продувал ветер сметанное сено. А уж на них - жерди. Если их нет под рукой, рубят ветки ивняка, ольхи.

Валки быстро подсыхали, и Клавдия распорядилась класть сено в зород. Василий вначале складывал его короткими вилами, а потом взял длинные деревянные, трехроговые. Клавдия забралась на стожье и принялась укладывать сено между стожарами. Грабли ее проворно мелькали в руках, успевая прощупать каждую ямку и заровнять.

-Миланко! - кричала она мужу. - Клади сюда, да бери по-немногу.

На белой рубаше Василия, на спине, расплылось мокрое пятно. Сенины прилипали к рубаше, к разгоряченным плечам и шее. Но он, казалось, не замечал ничего, кроме вил с пластами сена и Клавдии, стоящей на зороде.

Зород в пять промежков выросстал на глазах. Когда Василий кинул последний пласт, Клавдия спустилась на землю и очесала зород со всех сторон. Аккуратный, с подпорками на ровных боках, сложенный словно по ниточке, зород походил на маленький домик под крышей.

С чувством удовлетворения уселись под тот же гостеприимный куст. Ужасно хотелось пить. После того, как термос опустел, я принес воды из речушки. Василий прилег на спину. Я тоже. Земля приятно холодила разгоряченное тело. Кажется, я задремал. Очухался от легкого прикосновения руки.

-Вставай! Гроза надвигается! - прозвучало над ухом. Я открыл глаза. Жена обеспокоенно наклонилась надо мной. Собирались домой Василий и Клавдия, то и дело поглядывая в сторону бора, за которым текла река. Я тоже взглянул туда. Две иссиня-черные тучи сближались друг с другом. Изредка погромыхивало. За грозовую навесь упряталось солнце, и наступила тишина. Попрятались птицы, и все живое замерло в беспокойстве. И у меня в груди сердце сжалось в комок. Так бывает, когда идешь по мелководью и вдруг проваливаешься в невидимую глубину.

Торопливо пересекли угор и оказались на полевой дороге. До деревни оставалось не более полутора километров. Порыв ветра колыхнул рожь, и гром потряс поле. Василий взял меня за плечо: «Сворачивай с дороги в низину, к ольховой роще. На открытом месте нам нельзя оставаться. Опасно. А там уроемся в будке, где полощут белье».

Едва мы сунулись под укрытие, как крупной полосой обрушился ливень. Стало почти темно. Глаза различали только пелену дождя и фосфорические разрывы молний. Гроза продолжалась более получаса, и по низине на дорогу пришлось брести по колено в воде.

Весь сенокос я провел с Василием и Клавдией. В короткие промежутки отдыха он с грустью говорил мне: «Последние годки доживает деревня. Нет молодежи, нет детей. Уйдет наше с Клавдией поколение - и окончательно затянет поля лесом. Забудутся дороги к сенокосным угольям: к Чирухам, Зяб-

лухам, Долотовкам, Кумбисерам... Почто такая напасть на русскую землю? Гитлер не мог совладать с нами, так сами себе свихнули шею. Скорбит ныне русская земля, зато ликуют недруги ее».

Слушая наш разговор, жалостно вздыхала Клавдия: «Не рви ты сердце, Миланко! Не тоскуй напрасно. Былого не воротишь».

Заканчивался июль. Больше дождей почти не выпадало. Пользуясь погожими днями, Василий задумал подремонтировать старенький дом. Одному возиться с лесом тяжело, и он пригласил меня в подручные.

-Для начала вымеряем длину и ширину избы и возьмемся за топоры. Думаю, за недельку четыре ряда поставим, - сказал Василий. - Сгнившие нижние венцы выпилим, подведем с помощью домкратов новые.

Василий показал мне, как вырубать пилыцы, выбирать пазы.

-Главное - не торопись, иди лезвием по черте, тогда огрехов не будет. Приступим с Богом!

И брызнули из-под топора пахучие сосновые щепки.

Почти без передышки пластались несколько часов. Потом окно распахнулось, раздвинулись занавески, и выглянула Клавдия: «Миланко, замучишь парня. Да и обедать пора. Идите борща отведать, чайку попейте». В кухне у Клавдии все так блестело чистотой, что я даже забоялся к чему-либо прикоснуться. На столе горкой лежал нарезанный ломтями душистый деревенский хлеб, дымился в глиняных мисках борщ, стоял кувшин с суловым пивом.

-Ешьте на здоровье, - перекрестилась на иконы Клавдия.

Я еще на сенокосе обратил внимание, что Клавдия называла мужа не по имени, а прозвищем - Миланко. Я все выбирал удобный момент, чтобы расспросить Василия, почему он носит такое прозвище. Надо сказать, что в русских деревнях чаще всего жители имеют двойную фамилию. Одна - официальная, другая - уличная. Причем, прозвища столь метки, что диву даешься. Одно слово просвечивает человека насквозь, в одном слове уместается вся его характеристика.

За день срубили всего один ряд. Много времени заняла установка бревен на лежаки. Их надо было положить так, чтобы все четыре угла точно соответствовали друг другу, иначе получится перекосяк.

Когда под вечер Клавдия подоила корову, мы прибрали инструмент и сели ужинать. Сумерки незаметно окутали деревню. В логу от теплой земли выстилался туман, розовевший в лучах уходящего на покой солнца. Василий при-

гласил: «Пойдем посидим под березами. Уж больно вечер хорош».

-Ты спрашивал давеча, откуда у меня такое прозвище? - начал он. - Дело давнее. Когда вернулся с фронта, через некоторое время сошелся с Клавдией. Она потеряла во время войны мужа. Приклонялись к ней мужики, но ни один не пришелся ей по сердцу. А меня почему-то заприметила, хотя красавцем не выглядел. Так, середина на половине. Может, пожалела вдовца с детьми? Не знаю. До сих пор не спрашивал. Сходили в сельсовет, зарегистрировали брак. На четвертом году семейной жизни я сильно простудился. Случилось так. Где-то в середине декабря окончательно установилась зима. Надел я охотничьи лыжи и решил проведать свои лесные владения. Обход у меня был большой, потому Клавдии сказал, что, может быть, вернусь очень поздно. Получилось же совсем не так. Когда существовали колхозы, кормину заготавливали на дальних сенокосах, которые располагались по лесным речкам и логом. Здесь же косили для своего скота и колхозники. Вначале тайком, а в последние годы в открытую. На недавно выпавшем снежку оставили свои следы разные зверюшки. То заяц напетлял, то лиса пробежала. В бору, неподалеку от речки Чирухи, увидел свежий санный след. Человек от природы любопытен. Решил посмотреть, кто проехал. Через полчаса санный след привел в Долотовки. С возом сена застрял в болотнике Санко Горбунов.

-Понимаешь, - говорит, - немножко отклонился от колеи влево - и влип.

Пока вытаскивали воз на дорогу, я промочил валенки. Пришлось возвратиться домой. Вечером занемог.

Василий искоса посмотрел на меня, словно решал, продолжить рассказывать или нет. Но, видя, что я слушаю, продолжил: «Температура поднялась высокая. Вызвали фельдшера. Прибежала молоденькая девушка, сделала уколы, пообещав навестить утром. К утру обеспамятел. В минуты просветления видел, как мечется по избе Клавдия. Эге, думаю, плохи мои дела.

-А что тебя не увезли в больницу?

-Как потом узнал, мест свободных в терапевтическом отделении не оказалось. Оставалось уповать на волю Божью, фельдшерницу да Клавдию. Уж она-то старалась, чтобы я выздоровел. Ночи просиживала у изголовья. Поила с ложечки чаем с липовым медом, да еще отварами целебными, которые научилась готовить у своей покойной бабки. Да, сидит возле постели, гладит по седой голове, шепчет: «Не умирай,

Миланко!» Откуда слово такое взяла, не знаю. Наверное, родилось в минуты душевного смятения.

Василий выговорился. Взглянул на темнеющее небо, где густо высыпали звезды. За ближним полем сердито прокричал дергач, обеспокоенный кем-то. Земля отходила ко сну. Собеседник мой тихонько поднялся на крыльцо и скрылся в сенах.

Спокойной ночи, Миланко!

РОЗЫГРЫШ

На Сашку иногда «находило». Так говорили о нем соседи, когда он ни с того ни с сего принимался чудить. Был Сашка с веснушками на лице. Брови цвета свежей соломы, волосы русые с завитушками на висках. Батько плотничал, делал для колхоза и всех желающих сани и телеги. Мастерил кадушки под огурцы и капусту, плел ивовые корзины. Мать Сашки до седых волос обихаживала коров на ферме, что стояла неподалеку от дома.

Сашка с детства помогал родителям. Вернувшись после службы в армии, остался в деревне. Шоферил. Частенько ему приходилось ездить в город. Охотно, если находилось место, брал попутчиков, но денег за провоз не требовал, хотя давней его мечтой было скопить денег на покупку мотоцикла с коляской.

Чтобы скопить деньжат, в отпускные месяцы по заказам богатых москвичей рубил баньки, колодезные срубы из березы. За пару лет требуемая сумма набралась.

Саша приоделся, как на праздник, и направился в райповский хозяйственный магазин, где мотоциклов разных марок было навалом. Продавец советовал ему купить импортный, но Саша выбрал отечественный.

-Я все-таки русский и патриот в душе, зачем мне зарубежное изделие? Оно, конечно, выглядит, как игрушка, но по нашим дорогам пристало ездить на русском мотоцикле. Не подведет.

И купил себе мотоцикл «Урал» с коляской. Настолько привык к нему, что шагу ступить пешком не мог. И по грибы на мотоцикле, и на рыбалку. Даже на свиданья ездил. Правда, оставлял мотоцикл в укромном месте, не доезжая до заветной березы, где встречался со своей избранницей. В августовский выходной день возвращался от нее, находясь в приподнятом настроении. Смеялся, пел неведомо когда представшую модную песенку, временами едва касаясь руля. Не заметил, как очутился в кювете. Сознания не потерял. Лежал возле мото-

цикла, не решаясь подняться. Захотел проверить, не повредил ли чего. Поднял руку, другую - целы. Оказалось, что и ноги повинуются ему. Болели лишь правые плечо и бок.

Встал Саша с обочины канавы, покачиваясь. Глянул на мотоцикл: в порядке. Попытался поднять на колеса, но не смог. Что делать? И на него «нашло». «Притворюсь покалеченным и буду ждать помощи. Рядом же едут машины», - порешил Саша. Лег, подобрал под себя ногу и вытянув руку. Повернул голову так, чтобы видеть дорогу и проходящие машины. Пробежала одна, другая. Не остановились.

«Возможно, не заметили», - решил Саша. Но переменить свою позицию не захотел, надеясь на случай. Притормозило такси. Хлопнув дверкой, вышел водитель, не поленился спуститься на обочину. Легонько толкнул носком ботинка Сашу. Наклонился, пощупал пульс. Распрямился, раздумывая. Но тут высунулась из такси женская головка в кудряшках и спросила: «Живой?»

- Живой, - подтвердил таксист.

- Ну, так и нечего с ним валандаться. Поехали, мы опаздываем.

Прошло полчаса, как скрылось за поворотом такси. Возле Сашки то ли из любопытства, то ли по какой другой причине остановились два велосипедиста-подростка. В джинсах и камуфляжных куртках. Один бегло взглянул на лежащего Сашку.

- Не дышит? - полюбопытствовал второй.

- В беспамятстве, - сказал первый.

- Тогда обыщем. Может, у него имеются монеты.

Оба взяли за Сашку, пытаясь расстегнуть молнию куртки. Сашка от такой дерзости вскочил на ноги. Закричал: «Паршивцы, вместо того, чтобы человеку помочь в беде, вы собираетесь меня обокрасть!»

Ребята от неожиданности опрометью выскочили на дорогу, ухватили свои велосипеды и нажали на педали.

Сашка опять попытался поднять мотоцикл на колеса, и опять не смог. Мешала тяжелая коляска. До своей деревни оставалось километров пять. Идти далековато, да и мотоцикл было боязно оставлять: живо уведут какие-нибудь прохвосты или разберут на запчасти. Нет, уж лучше еще подождать. Найдется все же добрый человек.

И добрый человек нашелся - Иван Степанович Лосев. Одно время он заведовал конюшней. Более тридцати лошадей содержалось в его колхозе. На них, в основном, пахали и сеяли, вели почти все сельскохозяйственные работы. Когда в годы правления Хрущева конское поголовье буквально унич-

тожалось, Лосев категорически отказался отдать лошадей на мясокомбинат. После громкого скандала с председателем отправился искать помощи в райисполкоме, но там посмеялись над ним. Не стерпев обиды, Иван Степанович бросил колхоз и уехал в Мурманск. Но где бы ни работал, все время тянуло к земле. Вернулся домой в разгар «перестройки», решил создать крестьянское хозяйство. Получил земельный пай на себя и жену, впрягся в работу. Когда он отдыхал - неизвестно. Соседи, глядя на него, говорили: «Пожалел бы ты себя, Иван. Чай, не молоденький. Или в новые хозяева метишь? А вдруг опять страна повернет к коммунизму? Тогда тебя возьмут за жабры и раскулачат». Иван отвечал: «Гены крестьянские у меня проснулись. Мне бы технику настоящую да горячее подешевле - горы бы свернул».

Несмотря на все потрясения и трудности, хозяйство Ивана Степановича устояло. Он возвращался из города сегодня в легком тарантасе. Любимица - рыжая кобыла Мила - бежала, не торопясь. Да хозяин ее и не понукал. Он возил на рынок мед и выгодно его продал, и потому находился в хорошем настроении. Взгляд его иногда скользил по березовым колкам вдоль дороги, по ровным рядам высоких елей, посаженных когда-то дорожниками в качестве снегозащитной полосы. Возле елок иногда мелькала фигура бабы или мужика, собиравших рыжики. Неподалеку от места, где Сашка томился возле опрокинутого мотоцикла, Мила почему-то замедлила ход. Иван Степанович уже собирался понукнуть ее, но взгляд нечаянно упал на обочину. Он заметил Сашку.

- Неужто разбился насмерть? - мелькнуло в голове Ивана Степановича. - Жаль парня, если так.

Он знал Сашку еще с того времени, когда тот, возвратившись из армии, стал шоферить. Не раз выручал Ивана Степановича. Помогал в ремонте старенького трактора, изношенной автомашины. Доставлял ему попутно то бочку солярки, то запчасти. И, чего греха таить, Иван Степанович порой жалел, что все дочки у него замужние. Хороший бы был зять Сашка!

Иван Степанович оставил лошадь на краю дороги и спустился к Сашке, тронув его за плечо.

- Жив, парень?

- Это ты, Иван Степанович? А я, признаться, малость вздремнул, поджидая подходящего человека.

Иван Степанович удивленно взглянул на него. Но Сашка попросил: «Помоги поднять мотоцикл. Потом все расскажу».

Иван Степанович пособил вытащить тяжелый «Урал». Смеялся, слушая, как Сашка с пятое на десятое рассказывал ему о том, что произошло с ним. А затем помрачнел: «Рискованно устраивать такие розыгрыши. Времена ныне суровые. Люди стали относиться друг к другу по-волчьи. Приметили бы тебя эти же подростки поздним вечером, могли и пришибить. Слышал, как старичка в одном починке убили? Дедок приторговывал по скудности пенсии «паленой» водкой. Пришли к нему поздним вечером трое молодчиков, попросили в долг бутылку, а он не дал. Стукнули по затылку, придушили для верности, да и дом подожгли».

Сашку я не видел много лет. До меня стороной доходили слухи, что он по-прежнему живет в своей деревне, временами незлобиво озоруя. А с женитьбой у него дело расстроилось. Бывшая подруга познакомилась с заезжим коммерсантом, перекупщиком леса, и, позарившись на богатство, вышла за него замуж. Сашка ушел в помощники к Ивану Степановичу. Золотые Сашкины руки способствовали тому, что крестьянское хозяйство стало приносить неплохой доход, и Иван Степанович купил своему помощнику новый грузовик, посулив высватать свою племянницу, заключив свое обещание словами: «Была бы шея, а хомут найдется».

УГОРАЗДИЛО

Петр Иванович Бобков прошелся по кабинетику, открыл форточку, выпуская прокисший сигаретный дым. После планерки в раздумье просидел за письменным столом полчаса, думая, где взять «гвоздевой материал», который обещал редактору написать в течение текущей недели.

В кабинетик заглянул приятель - Силантий Сулов. Мужчина крепкий, с красным носом-картошиной. Человек с юмором, всегда бодрый и жизнерадостный, он умел быстро сходитьсь с людьми. Находил темы для очерков там, где их никто не думал искать. Любил острое русское словечко, восхищался крестьянским незатасканным говором.

-О чем задумался, старик? Впрочем, можешь не отвечать. Так и быть, по доброте душевной подскажу тебе адресок, где живут интересные типы. Езжай на автобусе на городскую свалку, да оденься поплотше. Там к людям в исправном костюме относятся подозрительно, и разговора по душам не получится, - сказал он.

Петр Иванович почти с испугом воззрился на приятеля.

-Мне ехать на свалку?

-Верное дело. Всех в редакции переплюнешь. Только прими еще один мой совет: прихвати в магазине бутылку дешевого винца. Чтобы твой будущий собеседник стал разговорчивым. Ну-с, желаю успеха!

Петр Иванович прошелся от стола до окна и обратно. По давней привычке выдернул с головы волосину, пожевал, выплюнул. Наконец, решился последовать совету приятеля. Запер кабинетик и отправился к секретарю редакции сказать, что уезжает ненадолго в командировку.

От последней автобусной остановки до городской свалки пришлось прошагать несколько километров. Уже издали он заметил над ней нечто вроде легкого тумана. Огромная, если не сказать гигантская, куча мусора простиралась вокруг. Несколько бульдозеров ползали по ней, разравнивая сваленные отходы.

Петр Иванович в нерешительности остановился. То там, то здесь по территории свалки бродили подозрительные личности, одетые в поношенные куртки, пиджаки и свитера. В руках у иных - большие сумки, у других - авоськи. Владельцы сумок выискивали пивные и водочные бутылки. Владельцы авосек высматривали съестное: обычные продукты из магазинов, которые испортились и были выкинуты за ненадобностью.

Высохший старик в очках продефилировал мимо него, с трудом таща холщевый мешок с пустой винной посудой.

Петра Ивановича осенило: «Давайте помогу. Куда прикажете?»

-До оврага. Тут недалеко. Там у меня пристанище, - старик усмехнулся. — А Вы, я вижу, у нас впервой. В таком случае прошу ко мне. Не обессудьте, выпивки пока нет. Вначале надо сдать бутылки в магазин.

Над склоном извилистого и, видимо, длинного оврага кое-где вились дымки. И здесь жили люди. Старик привел Петра Ивановича к небольшому коридорчику, закрытому сверху досками и обложенному дерном.

-Нечто вроде тамбура, - заметил старик.

Дальше вход в землянку закрывала деревянная дверь, на которой висел замок. Хозяин пошарил рукой над притолокой и достал ключ.

-Вот мы и дома. Сейчас сниму с окошка ставень. Да будет свет!

Землянка оказалась довольно просторной, изнутри была обшита досками. На струганном полу стояли стулья, стол, койка с матрацем и одеялом. В углу виселась аккуратно

сложенная печка с дымоходом. Рядом с ней стоял шкаф. Тут же на стенке висели плащ, фуфайка и шапка-ушанка.

Старик сказал: «Раз не побрезговали зайти ко мне, можно и познакомиться. Зовут меня Мефодием Прокопьевичем. В давние позабытые времена трудился я в родном колхозе столяром. А теперь, как видите, не у дел. Впрочем, если желаете, поговорим потом. А сейчас я отправлюсь до магазина».

-Погодите, Мефодий Прокопьевич. У меня, кажется, имеется бутылка портвейна. Приятель презентовал.

Мефодий Прокопьевич понимающе улыбнулся: «Сейчас стаканчики поставлю и соображу, чем закусить». Подошел к книжной полке и вытянул однотомник стихов Фета: «Люблю под настроение читать. Со школьной скамьи пристрастился. Денег, конечно, на новые издания у меня нет, но здесь на свалке иногда находишь выброшенные книги. Вот, к примеру, однотомник Фета нашел здесь. И еще кое-какие издания».

Мефодий Прокопьевич полистал книгу и протянул Петру Ивановичу фотографию.

-Снимался с женой и дочкой двадцать лет тому назад. Жил тогда в деревне, в своем доме. Жил - не тужил. Столярничал. А когда общественное хозяйство развалилось, остался без работы. Пытался, конечно, найти заработок, но без толку.

Петр Иванович имел хорошую привычку - разговаривая с собеседником, не вытаскивал на стол блокнот и ручку. И, как правильно заметил, это способствовало откровенности и доверительности.

Мефодий Прокопьевич продолжал: «Что было делать? Многие уезжали сезонничать в Москву. Строили там заказчикам баньки, дачи. Подался и я за длинным рублем. Первая моя поездка закончилась благополучно. Возвратился домой с деньгами, с подарками. Подумывал было купить многоцелевой станок и столярничать на дому. К тому времени в нашей округе появилось много предпринимателей. Как грибы, появлялись новые магазины в городе и деревнях. Бизнесмены новоявленные строили себе дома и дачи. Так что заказами я был бы обеспечен. В планы мои вмешалась жена. Настояла, чтобы я снова подался в Москву. Словно чуяло сердце, что не надо мне было ехать».

Мефодий Прокопьевич горько усмехнулся, снял очки и начал зачем-то протирать сухие стекла. Глянул на стол без скатерти, на котором стояла раскрытая банка кильки, стаканчики да початая бутылка портвейна. Налил.

Петр Иванович терпеливо ждал продолжения разговора. Если уж русский человек начал сам, по своей воле, беседу, то обязательно выскажется до конца.

-Во второй приезд мне пришлось строить в Подмоскowie дачу. Все шло хорошо. Водкой я не увлекался, с молодости не курил. Хозяин нас кормил. Незаметно в хлопотах пролетело лето. Уже засентябрило, когда дачу сдали, как говорится, под ключ. Получил я солидные деньги и уже собирался домой. Хозяин знал, что я не пью и человек работающий. Отозвал на веранду и говорит: «Прокопыч, оставайся еще на полмесяца. Надо отделать библиотеку. Ты же прекрасный столяр». А я книги люблю. Поколебался, но согласился. Деньги отправил жене с земляком.

Мефодий Прокопьевич при последних словах взволновался: «Как после выяснилось, он их пропил вместе с ненасытными дружками. Жене моей он сказал, что я там крадю завел, оттого, мол, не вернулся и денег не послал. Ясное дело, жена моя расстроилась. Адрес мой знала и решила ехать в Москву. Да на беду и дочку взяла с собой. На полпути к железнодорожной станции автобус, в котором они ехали, врезался во встречный самосвал. Жена и дочка погибли».

Петр Иванович вздрогнул, и в душе его чувство любопытства уступило место чувству жалости и сострадания к этому человеку. Мефодий Прокопьевич опустил голову и потер заскорузлыми руками серебряные виски.

-Получив от тещи телеграмму, я съездил домой. Но оставаться в деревне не было мочи. Заколотил окна и двери у избы, свел на тещин двор корову с телком и пустился в странствия. Вернее, опять вернулся в Москву к моему хозяину, у которого работал два сезона. Узнав о моем несчастье, приютит, устроил сторожем на даче. А через полгода я потерял место. Хозяин решил уехать в Португалию, где жило много эмигрантов из России. Звал и меня. Но я решительно отказался. В поисках заработка колесил туда-сюда. В поезде меня ограбили сонного. Лишился денег, а главное - документов. Не стоит рассказывать о моих мытарствах. Потихоньку-помаленьку пристрастился к винишку. А вино, как известно, к добру не приводит. Вот и угораздило под конец жизни очутиться на свалке.

Петр Иванович под вечер возвратился в редакцию. Почти никого не было. Но Силантй Сулов еще не ушел, заканчивая очерк о тяготах русской деревни. Давался он трудно,

но откладывать в стол недоделанные материалы журналист не любил. Увидев Петра Ивановича, он кивнул и со вздохом откинул ручку.

-Как поездка?

Петр Иванович сел напротив и, рассказав о встрече с Мефодием Прокопьевичем, в свою очередь, спросил: «Как ему помочь?»

-Никак. В деревню свою он не вернется. Жены нет, дочери нет. Обстановку менять Мефодий Прокопьевич вряд ли станет. Будет доживать, где живет.

Через пару месяцев Петр Иванович случайно столкнулся с Мефодием Прокопьевичем у автобусной остановки.

-Все там? - успел спросить Петр Иванович.

-Податься некуда. Да и поздно что-либо менять.

Силантий Сулов оказался прав.

ГДЕ МОЯ КЕПОЧКА?

Городок лежал в излучине небольшой реки. В начале мая унесло лед. Густой туман затопил улочки и переулки. В той стороне, где всходило солнце, кусочек неба постепенно разгорался, как уголек под дуновением ветерка. С тополей капало. Капало и с крыши, влажной, точно после дождя.

Агафья, по давней привычке, поднялась рано и затопила печь. Подумала и решила сварить борщ, который любил муж, безмятежно спавший на диване. Сын Колька был не дома, учился на автомеханика в техникуме. Учился хорошо. Не курил и не выпивал.

Муж вернулся с фронта под конец осени. Войну завершил на Дальнем Востоке. Говорил, что освободил от японцев старую русскую крепость Порт-Артур. Стройный, среднего роста, с черными усиками, вся грудь его в медалях и орденах. А глаза - горячие, ровно шальные - таким она запомнила его в победный сорок пятый год.

На войне Паша был танкистом. Мог бы дома устроиться трактористом или шофером, но, вследствие полученного ранения, хромал на правую ногу. Все равно не прошел бы медицинскую комиссию. Паша овладел профессией печника. Со временем так поднаторел в этом деле, что стал считаться в районе одним из лучших мастеров.

Только вчера Паша вернулся из деревни, где клал у знакомого мужика в новой избе печку. Целую неделю пластался с глиной и

кирпичами, штукатурил. Мужик остался доволен и приглашал еще приехать к родственнику, у которого тоже была нужда в искусном мастере. Приехал вчера Паша, выложил честно заработанные деньги, оставив малость себе. Выпил. Поговорил с женой о том, о сем и лег отдыхать. И теперь спит.

Агафья, когда печка истопилась, размешала угли и поставила за заслонку горшок с борщом. Сходила во двор, подоила коз. Паша все так же спал, повернувшись на правый бок. Подумала, что надо спуститься в подполье, зачерпнуть прошлогодней капусты с рассолом. На больную голову куда как хорошо!

Стучали ходики на стене. Еще довоенные. Туман на улице рассеялся, и в комнату брызнули солнечные лучи, высветив на перегородке фотографии в рамках. Также еще довоенные. Тогда Паша работал в пожарной охране, а она - продавцом в продуктовом магазине. Когда поженились, снимали комнату у знакомой старушки, а затем Паша принялся строить собственный дом. Сам рубил лес, вывозил на лошади в городок. Только дважды вызывал на подмогу соседей - сложить сруб, да крышу крыть. А так все сделал своими руками.

Потом началась война, за которую она пролила немало слез. Один раз пришла похоронка. Но, слава Богу, оказался жив. Тревожилась Агафья и за Кольку. Он рос почти на одной картошке и частенько болел. Старушка-ведунья лечила его отваром из трав. Выжил Колька. А потом муж вернулся. Карточки отменили. Полегчала маленько жизнь.

Паша проснулся. Спустил босые ноги на коврик. Зевнул с отвращением и с надеждой посмотрел в угол дивана, куда он всегда ставил недопитую водку. Раньше, бывало, ничего не оставлял. Еще и за второй Агафью посылал. А теперь годы взяли свое: здоровье не то.

-Агафья! - позвал он. - Ты бы капустки квашеной постаралась.

-Сейчас! - откликнулась та.

Паша надел брюки и рубашку. Подсел к столу. Полбутылки стояло в углу дивана. Выпил стопку. Оживился. Сказал примирительно: «Ты же знаешь, когда работаю, к винцу не прикладываюсь. А когда печку сложил да затопил, пришлось с хозяином распить «дымовые». Малость отдохну и снова возьмусь за мастерок. А ты к приезду Кольки купи ему костюм».

Отдыхать, однако, Паше не пришлось. На другой день за ним приехали на телеге хуторские.

-Уж ты, родименький, выручи! Никто к нам ехать в этукую даль не соглашается, - жалостно просила женщина Пашу. - За ценой не

постоим. И помощники тебе найдутся. Два парня у меня растут. Ребята проворные.

Агафья вздыхала, жалостливо глядя на Пашу, когда тот доставал небольшой мешок с инструментами, надевал брезентовые сапоги. Никому не мог он отказать в помощи. Только в крайнем случае - если болел, или если дома оказывались дела, которые нельзя было отложить.

По проселочной дороге ехали неспешно. Приходилось порой объезжать большие лужи, а иногда и вовсе сворачивать на обочину. Дед-возница невозмутимо курил. Осталась позади последняя деревня, и лошадь сама по себе свернула вправо. Телегу со всех сторон зажимал лес. Кончился он перед небольшой речушкой, через которую был перекинут бревенчатый накат. Дальше пошли маленькие поля. На угорчике открылся хутор - домов пять-шесть с просторными огородами.

- Не хотели мы переезжать на центральную усадьбу. Зацепились за эту прадедовскую землю. Уж как власти не грозились! И электричество хотели отключить, и огороды отрезать. Правда, ферму у нас ликвидировали, - сказал дед.

- Значит, без работы сидите? - спросил Паша.

- Отчего же, были бы руки. Подворья большие. Картошку садим, овощи всякие. Даже рожь и овес на огородах сеем. А колхозу сено заготавливаем. Поля-то здесь пущены под многолетние травы. А сколько естественных угодий! Все по речкам. Самое лучшее сено получается.

Дед остановил лошадь у большого пятистенка. Стал распрягать лошадь. Вынул из-за пазухи ломоть черного хлеба, дал лошади.

- На сегодня, Рыжуха, все. Отдыхай, а я тебе овсяницы подкину.

К удовлетворению Паши, старая печь оказалась разобранной. А на полу горками лежали новые кирпичи и стояла большая ванна с замешанной глиной. Паша взял один кирпич, легонько стукнул железной лопаткой.

- Звенит. Даже трещинка не пробежала. Хороший кирпич, - одобрил Паша. Сунул руку в ванну, помял глину. - Около дела, только песочку надо чуть-чуть прибавить. Тяжеловат раствор.

Паша переоделся. Ожидая распоряжений, возле него стояли два паренька.

- Чего не в школе? Или не учитесь? - спросил он.

- Учимся. Сейчас Первомайские праздники, потому и дома.

- Наливайте воды в таз. Кирпич надо окунуть в водичку. Это - первое. Второе - ра-

створ глины пропустите через решетку, чтобы в ней не оказалось даже маленьких камешков.

Паша взял в руки мастерок: «Господи, благослови!».

Работал неторопливо, углы и стенки выравнивал по отвесу. Постепенно печка росла от полу. Через пару дней он взялся за свод, а потом за кожух, откуда должна была пойти через потолок на крышу труба.

Взмахнув последний раз мастерком и аккуратно оштукатурив трубу, Паша по лестнице спустился с крыши.

-Затопляй! - приказал он хозяйке, вытирая передником руки.

Хозяйка колодчиком сложила дрова на поду и поднесла зажженную березовую лучину. Огонь весело лизнул сухие поленья, и вскоре пламя забилось в печи.

-Поначалу не шибко топи, дай печке постепенно просохнуть, - посоветовал Паша и чинно присел за стол, где красовалась рябиновая настойка и добрая закуска.

День выдался пасмурным. Тучи низко висели над суземьем. Дождь шел не сильно. Монотонно стучал по шиферной крыше, стекая по жестяному желобу в объемную бочку из-под солярки. На воде появлялись и долго стояли пузырьки.

-Наладился. Это и хорошо. После теплого дождичка трава попрет, хлеба уродятся. А тебе, Паша, придется у нас еще ночку ночевать. В непогодь лучше пересидеть под крышей. В баньке мы тебя после трудов праведных попарим. Банька у меня особая - липовая. Благодать! - сказал дед.

Банька затопилась. Из окошка было видно, как ребята в дождевиках вытягивали воду из колодца и ведрами носили в котел и в баки. Женщина, окончив обряды, под села к столу.

-Настя, - сказал дед дочери, - раз такое дело, режь последний огурец. Тащи еще одну «рябиновку».

День долог. Разговор перескакивал с одного на другое. Дед Силантий спрашивал Пашу: «Мил человек, ответь мне, зачем надо было малые деревни и хутора сселять? Выехали люди - пашня зарастает, луга дичают. Не может земля без человека жить, как и он без нее. Ты вот, мил человек, воевал, в чужих странах довелось быть. Не заметил, как там живут?».

-Не знаю, если честно. Недосуг было примечать, когда редкий день возле смерти не ходили. Дороги там, не в пример нашим, хорошие. Леса прибраны. Домики аккуратные. Ну, конечно, войной многое было покорежено. Теперь, говорят, живут неплохо.

-Вот именно, - соглашался дед Силантий. - А нас, как недоумков, из крайности в край-

ность кидает. То кукурузу насильно заставляли сеять, то малые деревни объявляли неперспективными. А теперь вот лечебно-трудовые профилактории пооткрывали, алкоголиков лечить. Смотрю я: всех под одну гребенку стригут. Берут в ЛТП и справных мужиков. Ну, грешат маленько. Так что из того? Все мы стаканчика не чураемся.

Мог ли предположить Паша, что через некоторое время круто повернется и его судьба?! Невзлюбил Пашу участковый. Началось с малого.

На дворе стояла осень. Уже улетели в теплые края журавли и всякие кочевые птицы. Ветер-листобой сорвал последние листья с берез и осин. Ночами подмораживало. В такую-то пору Паше пришлось срочно менять сгнивший сруб в колодце. Летом все не мог выкроить времени. Вечером, ложась в постель, почувствовал першение в горле. Появился насморк. Заложило в висках. Агафья сбегала в аптеку, принесла кое-каких таблеток. Паша всю ночь не сомкнул глаз. Насморк так одолел, что пришлось дышать ртом. Оставалось одно - выпить с медом водки. Как будто отлегла простуда. Но закололо в груди, возле сердца.

На улице вечерело, когда у дома остановился мотоцикл с коляской. В дверь слегка стукнули, и на пороге появился участковый Николаев. Поздоровался и присел на предложенный стул.

-Перебрал, что ли? - спросил он, глядя на осунувшегося Пашу.

-Захворал. Простудился давеча.

-Погодка. Немудрено и грипп поймать, - вздохнул участковый. - А я, было, к тебе по делу. Печку надо в баньке к зиме отремонтировать.

-Поправлюсь, так сразу и явлюсь, - сказал Паша.

Мотоцикл на улице взревел, оставив после себя запах бензина. Совсем стемнело, но Агафья не стала включать электрический свет, чтобы он не беспокоил мужа.

Когда Паша малость пооклемался и намеревался пойти к участковому, в город приехал старинный приятель и побратим Федя, с которым довелось пройти почти всю войну. Они встретились в тяжелый год отступления под Харьковом. Выходили из окружения, сражались на Сталинградской земле, прохваченной железным смерчем.

Давно осыпались и заросли травой и кустами окопы, ходы сообщения. Разрушились блиндажи. Исчезли и другие приметы войны. Не исчезли только солдатские захоронения да память о той войне. Эта память вновь соединила их.

Взволнованные, они сидели за накрытым столом, не замечая, что в комнату вошли сумерки. Вместе с ними вошел и участковый Николаев.

-Павел Иванович, я беспокою тебя уже второй раз, - сказал он многозначительно. На лбу у него сошлись морщинки, а голос сделался резким и холодным. Так он обычно разговаривал с допрашиваемыми.

-Ах, товарищ участковый, - сокрушенно вымолвил Паша. - Я не забыл своего обещания. Обстоятельства сложились немножко не так. Друг у меня фронтовой приехал. Много лет не виделись. Как русскому человеку по такому случаю не выпить! Присаживайтесь и Вы к нам. Вы же не на службе сейчас.

Однако участковый отрицательно качнул головой. Буркнул сердито себе под нос и, не попрощавшись, покинул растерянных хозяев. Федор вопросительно посмотрел на друга.

-Что случилось? Провинился в чем, Паша?

-Посулился он отремонтировать участковому печку в баньке, да простудился. Неделю пролежал в постели. Не смог прийти к нему, как договаривались, - ответила Агафья. И, качнув головой, добавила. - Участковый наш - человек злопамятный. Как бы беды не накликал.

Паша через пару дней собрался к Николаеву. Отремонтировал печь. И, казалось бы, предчувствие Агафьи так и осталось предчувствием, ан, нет! Кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом набирала ход. Прибавилось милиции работы. Всяк старался показать, что он правильно понимает требование времени

Старался и участковый Николаев, рассчитывая, что усердие будет замечено начальством. И, как следствие, появится добавочная звездочка на погонах. Он некоторое время раздумывал, стоит ли заносить в список кандидатов для отправки в ЛТП Пашу. Повода, правда, не сыскалось. В вытрезвитель его не забирали. Жалоб на пьянство от жены не поступало.

Помог участковому случай. Паша в среднем подпитии посорился с соседкой. Грозился в запальчивости переломать ей ноги, если она еще раз выльет помой около Пашиного дома. Соседка позвонила в дежурную часть, и Пашу мигом отвезли в милицию. Злопамятный участковый довольно потирал руки. Так очернил Пашу перед членами комиссии, что он с очередной партией горемык был отправлен в пресловутый ЛТП.

Минул год, проплаканный Агафьей. Паша слал весточки скупое. Писал, что работает на стройке каменщиком. В последнем письме общал, что прихворал. Покалывало сердце, а

кроме того, после скудного казенного пайка возникают боли в желудке. Затем последовало долгое молчание. Агафья забеспокоилась и, когда приехал на побывку сын, решила проведать мужа. Только собралась в дорогу, как неожиданно появился он сам. Крепко поседевший, худой, со впалыми щеками. Сел на лавку и грустно сказал: «В больнице лежал с язвой желудка, да к тому же дала знать о себе стенокардия. Полечили. До окончания срока выпустили из ЛТП. Видно решили, что скоро так и так помирать...»

-Что ты! Опомнись! Господь с тобой! Еще поживешь, годы твои не ушли, - заплакала Агафья. - Может, баньку истопить с дороги?

-Лучше завтра. А сейчас я прилягу. Устал.

Он стянул с себя грубый дорожный плащ и повесил на гвоздь кожаную кепочку, которую по давней привычке носил почти круглый год, о которой иногда утром спрашивал Агафью: «А где моя кепочка?»

После возвращения домой он так и не вернулся к любимой работе. Был задумчив и тих, ласков с женой и сыном. Скончался он в конце бабьего лета, когда за окном рдели рябины и тянуло из полей запахом убранной ржи. Осталась в доме одна Агафья. По утрам уж не спросит ее Паша: «А где моя кепочка?»

ПОТАЕННЫЙ САД

Ягод рябины почти не уродилось. Напрасно дрозды-рябинники обшаривали сады в поисках любимого лакомства. Приходилось птицам довольствоваться поздней малиной, а то и смородиной. Дни стояли теплые, тихие. Иногда раз или два в неделю шли дожди. И тогда словно морох повисал над лугами, полями и лесами. К утру над землей стелился туман. Густой, словно парное молоко. В борах, однако, было пусто. Белые, красные грибы, моховики встречались большей частью по дорогам и тропинкам. А вот рыжики в конце августа облюбовали заброшенные пожни. Некошеную траву около ивовых кустов приходилось раздвигать палочкой, ползать на коленях, с наслаждением срезая заветные грибы. Иногда на Красной горке появлялся дед Василий с пошком в руке и легонькой ивовой корзиной. Несмотря на годы, ходил он легко, был зорок. И почти никогда не являлся домой пустым. Спускаясь к подножию Красной горки, он окликнул меня: «Бери от кустов правее, здесь уже все обхожено до нас. К елочкам держи, еловики поперли».

Я последовал совету деда Василия. И не напрасно. Еловики попадались часто, росли кучно и были еще небольшими. Через несколько часов встретились у старой развесистой елки, похожей на большой шатер. Под этой елкой росли в изобилии желтые грузди, но мы их собирать не стали. Сели на сухую валежину. Дед Василий прищурился на висевшее в дымке солнце и сказал: «А осень, надо думать, будет короткая. Рябины-то почти что нет. Нынче шагал по стерне через поле. Птицы, вижу, помаленьку сбиваются в стаи». Дед не спешил покинуть зеленый шатер. Он достал из-за пазухи газету и аккуратно разостлал ее на земле. Так же аккуратно вывалил на газету рыжики: «Зачем лишний мусор нести домой? Я всегда перебираю грибы в лесу».

Я решил последовать его примеру и начал очищать рыжики от колких иголок, листьев ивняка и разных мелких веточек.

«Тихая охота» сблизила нас. Дед Василий стал относиться ко мне, как к близкому человеку. Охотно рассказывал о пережитом. А пережил немало. В финскую войну едва не замерз, раненый, на снегу. Нашли его санитарные собаки. В Ленинградском госпитале едва не отняли правую руку.

-Не дал. Доктору говорю: «Какой я без руки человек? Дом не срублю, сена не заготовлю, или еще чего по крестьянскому делу». Назначил доктор новые процедуры. А я знай Богу втихомолку молюсь. Тем и спасся от беды.

Во время Великой Отечественной войны дед Василий уже воевал в Ленинграде, потом на Невской Дубровке, где простреливался каждый метр земли, и где земля была густо полита человеческой кровью.

-И здесь от смерти Бог спас, только однажды зацепило миной. Уже в Прибалтике тяжело контузило и засыпало землей при бомбежке. Опять госпиталь. Медицинская комиссия признала меня инвалидом. С тем я и отправился домой.

Дома в военные и послевоенные годы было не лучше, чем на фронте. Много стариков и детей умирало от недоедания и разных болезней. Дед Василий поднимал разоренный колхоз, бригадирствовал.

Он очень переживал распад великой державы, стал угрюм. С весны и по глубокую осень часто уходил в лес. В ивовой роще сделал на маленьком чистом пятачке шалаш. Соорудил тут стол и скамейку. Плел ивовые корзины.

Неподалеку же заготавливал ольховые дрова. Разумеется, в сезонную пору собирал грибы и ягоды.

-При моей небольшой пенсии лишний рубль не помешает, - говорил мне дед.

Лес стал для него вторым домом. Сюда он уходил от мирской суеты, надоедливой и по-

рой гнусной. Здесь он отдыхал душой. Неподалеку от своих владений однажды дед набрел на заброшенную пожню. По краям ее затянуло кустарником, а серединка сплошь была покрыта цветущим зверобоем. Он невольно залюбовался золотистой полянкой, и сердце его прикипело к ней. Дед Василий издавна помаленьку занимался садоводством. Из семян вырастил на огороде облепиху и боярышник. Посадил кусты смородины, малины, ежевики. Но больше всего любил возиться с яблонями, которых насчитывалось у него около двух десятков различных сортов. Каждый год окапывал их, внося удобрения. Обрезал сухие сучья. Когда яблони зацветали, дед трепетно улыбался. В весенние заморозки, которые иногда случались, чтобы уберечь от гибели завязи, жег под яблонями небольшие кучки сухой соломы.

Самая тревожная пора наступала для деда, когда яблоки начинали наливаться. Ядреные, краснощекие, как снегири, они, как магнит, притягивали к себе взоры соседских мальчишек. Деду было не жалко яблок. Он повесил возле деревьев несколько табличек с надписями: «Не ломайте ветви!»

Дед говорил мне: «Чтобы вырастить яблоню из семечка, требуется несколько лет. Больше десятка годков наберется, пока она начнет плодоносить. Я выпестовал яблони свои из семечек. Многие молодые растеньица погибли, очевидно, это были южные сорта. Из средней полосы России - прижились. Каждый год плодоносят, если за ними хорошо ухаживать. Одна беда — набеги ребятишек. Несмотря на мои таблички, деревья попросту увечат. Жаловался на них родителям, да проку мало. Мне отвечают, что сами в детстве лазали в чужие огороды.

Минуло несколько лет. И вот я снова в родной деревне. Конечно, первым делом порасспросил о деде Василии.

-А что ему сделается? Бирюк-бирюком. Горазд по лесам шастать. Как только снег сгонит солнышко - так на Красную горку, или еще куда-то. Является домой к вечеру. И главное - в настроении. Ровно кралю завел...

Такая новость меня заинтриговала. Конечно, и раньше старик предпочитал лес обществу людей, но чтобы по целым дням там пребывать - тут явно что-то крылось.

В конце июня по закрайкам полей появились колосовики-обабки. Тугие, на крепкой ножке. Росли то по одиночке, то целыми стайками. Взяв небольшую ивовую корзину - подарок деда - я направился к нему. Он словно предугадал мое появление и встретил возле калитки.

Минули, не останавливаясь, Красную горку. Дед свернул на заглохшую дорогу, которая вывела нас к небольшой речке. Вдоль нее

вилась едва приметная тропка. Тропка взбежала на небольшой холмик и растворилась в мелколесье.

Дед, словно маскируясь, шел, стараясь не обломать ветви юных березок, и вскоре вывел меня на довольно широкую поляну, огороженную со всех четырех сторон. Дед открыл калитку и пояснил: «Мой любимый уголок». Это была та самая золотая поляна, о которой мне рассказывал Василий несколько лет тому назад. Но как она изменилась! Остатки ивняка были вырублены, имевшиеся кое-где кочки удалены. Земля на их месте выровнена. Три аллейки пересекали бывшую зверобойную полянку. Между аллеиками тянулись к небу руками-веточками маленькие яблоньки. Стволики у них белели побелкой, вокруг аккуратно окопано. А на кустах черной и белой смородины уже наливались ягоды.

-Кроме яблонь и разных сортов культурной смородины, я выращиваю здесь облепиху, боярышник. Они высажены на самом солнечном месте, поскольку светолюбивы. Плодоносят уже красная и белая малина, ежевика. Растет орешник - лещина. По бокам аллейки насадил липки. Есть у меня кусты черноплодной рябины и ирги. Ну и еще кое-что, вроде маньчжурского винограда. На следующий год разведу здесь клубнику.

На краю этого чудесного уголка белела свежими зауголками небольшая избушка. К ней приткнулись добротные сени.

-В избушке у меня печурка. Есть стол и скамейки, деревянная кровать. Иногда здесь и ночью, - сказал дед Василий. - Пойду вскипячу чай, а ты пока можешь погулять.

Немного погодя я пил с ним зверобойный чай и расспрашивал: «Какая же причина, Василий Дмитриевич, заставила тебя обосноваться здесь? Заняться прекрасным делом, и, в то же время, вроде бы чего опасаясь?»

-Во-первых, это местечко я облюбовал давно. Во-вторых, захотелось, чтобы оно стало еще красивее. В-третьих, если человек вырастил хотя одну яблоню, значит, жизнь прожил не зря. И, наконец, вряд ли сюда доберутся те, кто из-за нескольких яблок уродуют дерево до неузнаваемости.

-Выходит, что сад твой потаенный?

-Потаенный. О нем знает внук, который живет в городе, да ты.

Дед Василий в потаенном саду поставил пасеку и благополучно прожил до глубокой старости.

СОДЕРЖАНИЕ

Солнечный поясok	4
Моя тропинка	4
«Гостюшка»	5
Дашутка	5
Вторая молодость	6
Солнечное затмение	6
В двух случаях	6
Храбрецы	7
Любительница яблок	7
Точно птица в силках	7
Петушки	8
Музыкантша	8
Предзимье	8
Выпал снег	9
Ягода-калина	9
Голубеют снега	9
Как кораллы	10
Серебряные сережки	10
После метели	10
Рыбий спаситель	11
Зимняя радуга	11
Окуржевело	11
Как на праздник	12
Тонok — да звонок	12
Воробьиный кормилец	12
Волшебная веточка	13
Многое напоминает о лете	13
Забава-ветер	14
Опадает игла	14
Последняя сосулька	14
Распускается верба	15
Первая лужица	15
Последний воз	15
Сижу печальный	15
Снег горит	16
Салют весне	16
Лакомки	16
Яблонька	17
Сила жизни	17
Воду пьет	17
Ночной певец	18
Живой мостик	18
Дождик мая	18
Белые камушки	19
После грозы	19
Аисты	19
Петушинная нежность	20
Березка на крыше	20
Родниковая песня	21
Ели шум	21
Песнь о капели	22
За сморчками	22
«Ведьмин круг»	23
Мгла	23
Еж-грибник	23
Откуда рыжики взялись?	24
Чудо-гриб	24
Лисичкина дорожка	24
Ворота удачи	25
Желтые грузди	25
Скрипуны	26
Дождевики	26
Ночная охота	27
Подарок	27
Хоть косою косою	27
Где только не растут!	28
Всем грибам — полковник	29
Последний поклон	29
Стоят четыре березки	30
Журавли	32
Лосиная питомица	32
Одно загляденье	33

По насту	34
Елочка и березка	34
Березовые веники	35
Наворожила	35
Верность	36
Одинокая	37
Вечерело	38
Как археолог	38
Оттепель	38
Больше репы нарастет	39
Старая лошадь	39
Любитель черники	39
Кто раскрыл затаинку?	40
Кленовый лист	40
Диво дивное	41
Володина рябина	41
И вспомнилась нам картошка	42
Мельница	43
Доченька	45
Вылет шмеля	45
Капелька на кончике листа	45
Тополинный пух	46
Северный кипарис	46
Лунная дорожка	47
Любовался, как ласковыми внуками	47
Русская печка	49
Большие среди маленьких	50
Адъютант	51
Чтобы родить солнце	52
Мальчик с саночками	52
Сеет липа семена	53
Рождение пруда	53
Справно ли сделал?	55
Лесные дороги	55
Смотрю на огонь	57
Одноногая ворона	57
Словно мяч	58
Пинежка	58
Кукушка кукует	59
Тишь	60
Бурундучки	60
Колодец	61
Сполохи	61
Кружева	61
Когда смотришь	61
Цветет картошка	61
Тоскует	62
Птичкин ручеек	62
Хмель	62
Золотая поляна	63
Перистые облака	63
Божья коровка	64
Для зайчихи все дети — свои	64
Снег в дырках	65
Комарики	65
Рос за Пинежкой горох	65
Налимы... из болота	66
Самые первые	68
Не торопили весну	69
Зеленые занавеси	70
Первые снежинки	70
Под парусом	71
Дереву тоже больно	71
Вода кипит	72
Волки	72
Переселенец	76
Миланко	81
Розыгрыш	89
Угораздило	92
Где моя кепочка?	96
Потаенный сад	102